

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

Я-
РАСПУТИН
СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ

КУДА ПОВЕРНЕТ РОССИЯ?

Фантастический боевик. Новая эра

Алексей Вязовский

Я – Распутин. Сожженные мосты

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Вязовский А. В.

Я – Распутин. Сожженные мосты / А. В. Вязовский —
«Издательство АСТ», 2023 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-152852-2

Что будет, если в сибирского старца попадет современный студент-историк?
Куда повернет корабль под названием Россия? Сможет ли империя избежать
рифов Первой мировой войны и Революции? Да и останется ли Россия
империей?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152852-2

© Вязовский А. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Викторович Вязовский

Я – Распутин. Сожженные мосты

© Алексей Вязовский, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*И отвержение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...*

А. Блок

Глава 1

– Воля Государственной Думы для каждого из ее членов – закон! Памятуя это... – Головин поправил очки, посмотрел в зал, – Я без колебаний принимаю на себя обязанности Председателя Думы. Велика честь, оказанная мне вами, господа. Велика моя признательность вам. Сделала все, чтобы оправдать оказанное мне вами доверие.

Я тоже взглянул в зал. С балкона Таврического дворца были хорошо видны напряженные, торжественные лица депутатов. 518 человек как один слушали Головина. Судя по газетам, во вторую Думу попали 169 крестьян, 32 рабочих, 20 священников. Земства представляли 25 служащих. Аристократию – 57 землевладельцев-дворян. Ну и по мелочи – 3 офицера, 19 журналистов, аж 33 юриста и адвоката. Промышленников и торговых людей было совсем мало – 26 человек. Зато в Думу избралось изрядно ученых и преподавателей – целых 38 депутатов. Очень пестрый состав. И наглядный пример басни Крылова «Лебедь, Рак и Щука».

– Несмотря на различие мнений, нас разделяющих, – продолжал вещать Головин, – нас объединяет единая цель – осуществление на почве конституционной работы блага страны.

Теперь я посмотрел в окно. Там звенела капель, пели птички. В Питер пришла ранняя весна, сугробы начали оседать, заскрипел лед на Неве. Хотелось на улицу, дышать морским воздухом, лепить из мокрого снега фигуры баб и снеговиков. А не слушать вот это все.

– ...стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неустанно заботиться о поддержании достоинства Думы. Мы все хорошо знаем, с каким нетерпением ожидает наша страна от Государственной Думы облегчения своих тяжелых страданий.

И ведь Головин вовсе неплох. Умный, знает законы, международную практику... А сгинет плохо. Дотянет при Советах до тридцать седьмого – в самый разгар репрессий его арестуют в очередной раз, но на сей раз уже не отпустят, а расстреляют и похоронят в братской могиле на Бутовском полигоне. Ужасная участь для человека и ужасная участь для страны. Но раз уж неведомыми путями я тут, в прошлом, то можно сыграть и получше?

– Прямой путь к осуществлению этой трудной задачи намечен первой Государственной Думою. Он остается таким и в настоящее время. Проведения в жизнь конституционных начал, возвещенных Манифестом семнадцатого октября, и осуществление социального законодательства – таковы две великие задачи, поставленные на очередь первой Государственной Думою. Могучее народное представительство!

Головин перешел к лозунгам.

– Раз вызванное к жизни, оно не умрет!

Капитан ткнул меня локтем, прошептал:

– А это там новая фаворитка царицы? Там – на противоположном балконе.

Я присмотрелся. Да, в черной вуалетке сидела очаровательная Анечка Танеева. Я пома- хал ей рукой, на меня зашикали.

Фрейлина заметила мои телодвижения, кивнула.

– Хороша! В самом соку. – Стольников облизнулся.

– Не про твою честь, Никодим... – хмыкнул я – Ей прочат гвардейских офицеров в мужья.

А ты, кстати, женат!

– В единении с монархом народное представительство неудержимо проявит... – Головин подходил к финалу своей речи. В ход пошли отмашки рукой, грозно насупленные брови.

Наконец новый председатель закончил свою речь, зал взорвался аплодисментами. Заши- пели магниевые вспышки фотоаппаратов газетчиков. Головин объявил заседание закрытым и сошел с трибуны пожимать руки. Первым его поздравлял в министерской ложе Столыпин.

– Ну что, по домам? – капитан с сожалением бросил взгляд на Танееву.

Мы встали, задвигались стулья в ложе. К нам начала протискиваться знакомая фигура. Ба! Да это Булгаков. Собственной персоной.

– Григорий Ефимович, мое почтение! Господин Стольников, как вам речь Головина?

Я пожал руку философу, нацепил свои «инфернальные» очки.

– Может, в ресторан?.. – капитан кивнул в сторону выхода. – Отметить, так сказать, выборы спикера, да и вообще...

– Никаких кабаков, Никодим, – отмел я предложение Стольникова. – У нас работа только начинается. Пойдемте вниз.

Мы спустились к портику дворца, встали в «засаду».

– Кого ждем? – поинтересовался Булгаков.

– Столыпина, – коротко ответил я, быстро пролистывая бумаги в папке. Все было на месте, осталось только дожидаться выхода премьера. Его авто уже стояло у подъезда.

К нам присоединился главред «Слова» с фотографом. Адир вытирал лицо платком – вспышка засыпала его щеки магнием.

– Пустая говорильня, – пожаловался Перцов. – Мы, конечно, комплиментарно дадим в передовице, но...

– Не надо! – оборвал его я. – Топите вторую Думу. В каждой статье.

– Это почему же? – Главред аж открыл рот.

Капитан с Булгаковым наострили уши. Даже Адир перестал вытираться.

– Долго не проживет... – коротко ответил я. – Будет третья.

– Это вам... – замаялся Перцов. – Свыше было дадено?

Ответить я не успел, показалась свита премьера с ним во главе.

– За мной! – я устремился к Столыпину, раскрывая папку: – Петр Аркадьевич! Отец ты наш!

– Распутин... – премьер сморщился, но затормозил. Вокруг начал толпиться народ, появились жандармы.

– Неужели нельзя приватно?

Но я уже раскрывал папку.

– Нижайше прошу рассмотреть прошение об амнистии! – громко начал я, вытаскивая документы.

– Кого амнистировать собираешься? – усмехнулся Столыпин, оглядываясь.

Театр абсурда нарастал.

– В такой торжественный день вся Россия ждет от властей вести о послаблениях, о соглашении и единении в обществе.

– Говори конкретнее. Я спешу!

– Наша партия, «Небесная Россия», всеподданнейше просит дать амнистию по Выборгскому воззванию.

Народ вокруг пооткрывал рты. Бомба так бомба. Все прошлое лето власть судила депутатов Первой Думы, которые после отпуска призвали к гражданскому неповиновению. Осудила. Дала по три месяца тюрьмы и лишила гражданских прав. В том числе права быть избранным в новую Думу.

– Да в себе ли ты, Григорий?! – осерчал Столыпин.

– Как есть в себе, батюшка. И вот, погляди... – я подсунул премьеру бумагу с подписью Николая на нашем воззвании. В правом углу было невнятно начертано: «Рассмотреть».

– Его императорское величество тако ж за согласие и помилование.

Сколько это «согласие» мне нервов стоило... Не сказать и пером описать. Три вечера подряд «гипнотизировал» царицу, втирал ей про христианское всепрощение. Втер. А она уже потом царю.

Вокруг нас ахнули люди, Перцов застрочил в блокноте. Вот ему будет сенсация, которая перебьет речь Головина. Да, вот так создается «повесточка» в обществе.

– А почему тут?! На ступенях?! – Столыпин пошел пятнами. Сейчас рванет.

– Чтобы не замылили в кабинетах... – ляпнул я.

Амнистия мне нужна была вот для чего. Партия зарегистрирована, есть массовое членство в виде иоаннитов, которых я всех поголовно загнал в «небесники», а заодно избирателями в местных куриях. Но нет «веса». Булгаков, Вернадский – вот и все, кто из крупняка согласился вступить. Толстой думает и пописывает статейки, капитана и прочее наше руководство – никто не знает. Нам нужны были «ледоколы». Известные общественные фигуры. Из сочувствующих. Но для этого им надо было что-то дать. А что? Я придумал амнистировать депутатов Первой Думы. Муромцева, Шаховского и прочих. После чего в качестве ответного жеста благодарности предложить избраться в Третью Думу от «небесников».

Тут одним выстрелом убивалось сразу несколько зайцев. Я отрывал лидеров мнений от трудовиков и социал-демократов. Получал в партию крупные фигуры, которые приведут за собой новых членов. Строил «защитную» стену. Пойди, разгони теперь «Небесную Россию», коли властям приспичит.

Перцов прочувствовал ситуацию, что меня сейчас пошлют, вынул блокнот:

– Для прессы, Петр Аркадьевич! Когда ожидается ответ?

– Мы в новой Думе целиком и полностью поддерживаем сию инициативу... – Булгаков тоже быстро сориентировался. – Я лично внесу резолюцию в Комитет по государственному устройству.

Народ наострил уши.

Столыпин заколебался, я кивнул на автограф царя. Это и решило дело.

– Через две недели дадим ответ. – Премьер почти выхватил у меня папку, быстрым шагом направился к автомобилю.

* * *

Капитан встретил каких-то знакомых и все-таки умотал в ресторацию, Булгаков вернулся к депутатам Думы, а я в задумчивости побрел к саням. Полость у них была поднята, я положил на нее записную книжку, вынул карандаш и вычеркнул задачу с «выборгскими». Взлетит, не взлетит – я сделал, что мог.

– ...пьет в Великий пост, скромное кушает... – с другой стороны саней беседовали Распопов с Евстолием-«приставом». Обсуждали меня.

– Еще его батюшка по питию был большой ходок... – Шурин чиркнул спичкой, потянуло табачным дымом. – Ефим Вилкин. Ямщиком был, в Саратовской губернии. Однажды так упился на станции Снежино, что даже не заметил, как выпрягли лошадей из оглобель, а почту на растопку пустили. Дело подсудное! Сел Ефим в тюрьму, а как вышел, смазал лыжи салом и отправился в Тобольск с семьей. Но жене поклялся, что в рот хмельного больше не возьмет. И первое время правда не пил. За то был выбран у нас поперву в церковные старосты, а потом и вовсе в волостные старшины.

– Вона как! – протянул Евстолий. – Так это считай жизнь удалась?

– Так бы оно так... – Шурин шумно высморкался... – Даже к старости обещал купить кровать с шарами. Шоб сверкали! Да вот только Пелагея, жена его, преставилась внезапно. Вчерась была живее других, а днесь уже на столе лежит, обмывать ее готовят.

– Да... прибрал жену Господь. Поди запил Ефим?

– Еще как. Все пропил. Даже иконы.

– Врешь!

– Вот те крест. Самое худое хозяйство в Покровском у Ефима стало.

– Из старшин поди погнажи?

– Из старост тоже. Сам понимаешь, каким Гришка вырос. Пил с молодости, однажды плетень, что ограждал соседский дом от пашни, поменял на два штофа. Ну мужицким судом-то поучили его изрядно. Вот он и ушел первый раз бродить по свету.

То-то я чувствую, как меня тянет к чарке. Генетика!

– Знаешь, Коля, кто первым вошел в рай за Христом? – Пора было прекращать этот опасный рассказ, я вышел из-за саней, убрал за пазуху блокнот.

– К-кто? – Распопов закашлялся, выкинул папиросу.

«Пристав» по-военному вытянулся.

– Разбойник.

Я уселся в сани.

– Все мы, Коля, грешны. Кто-то больше, кто-то меньше. Ежели покайся и вознес святую молитву Господу – будет тебе прощение. Трогай.

* * *

Доехали быстро, так же стремительно я прошелся по общинному дому и лавке. Короткая инспекция показала, что наши дела идут в гору. В создании настольных игр уже трудилось под сотню человек – пришлось взять наемных сотрудников. Очередь перед лавкой не уменьшалась. Саму лавку мы разделили на «чистую» зону – для почтенной публики, и для обычных горожан и крестьян. У последних «Мироед» пошел на ура – сюжет понятный и актуальный, темы злободневные.

Боцман отправился в турне по отделениям иоаннитов (девять городов!) – налаживать создание и продажи игр в провинциях. Брат Савинкова трудился уже над эскизами к английской, немецкой и французской версиями. Художника я уже конкретно так прикормил заказами – он перестал дичиться, заходил поболтать в общинный дом, похуже, подбивал клинья к моей эсерке. Но пока безуспешно.

Командировка боцмана затянула оформление соседнего дома под школу. Деньги на сделку уже собрали, но зданию требовался косметический ремонт, и все встало. Что не встало – так это бесконечные ссоры Лохтиной и Елены Александровны. Атмосфера в общине стала так себе, надо было что-то срочно делать. Я уже хотел «сослать» эсерку в трудовую колонию – благо там требовался учитель русского и литературы, но воспитанники пока были слишком дикими, не отошли от улицы, и вначале их надо было слегка привести в чувство муштрами. Чем и занимались дядьки из отставников, привлеченные капитаном.

Стоило мне подняться наверх, как я услышал новую ссору.

– Ко мне в кабинет! – рявкнул я на собачащихся женщин.

Раскрасневшиеся женщины вошли внутрь, с гневом уставились друг на друга.

– Читайте!

Я достал из ящика стола два листа бумаги, раздал.

– Женский вопрос?!

Первая очнулась Елена. Лохтина тоже пробежала название глазами, зачитала вслух:

– Святые учат: боговоплощение было бы также невозможно без материнского подвига Богородицы, без ее свободного человеческого согласия. Как оно невозможно без творческой воли Бога. То есть Богу важна свободная воля женщины, Христос воспринимает женщину как личность и требует от верующих...

– Отче, это вы написали?! – Елена потрясла листком.

– Начало Булгакова, – слегка покраснел я. – Для сугрева публики. А далее так же он печатал, но мысли мои.

– Первое. Дать всем женщинам в империи право голоса. Поначалу на местных выборах, а если опыт удастся, то и всероссийских, – Лохтина вернулась к документу. – Второе. Право избираться в Думу. Хм... Смело. Третье. Принять законы, улучшающие женское состояние в обществе. О разводах, о выплатах на содержание детей, об образовании, о вредных фабриках.

– Четвертое. Запретить проституцию, закрыть публичные дома.

В кабинете повисло молчание, обе женщины разглядывали меня как диковинку.

– Разврат запрещен заповедями. Как там сказано в Притчах? – пожал плечами я. – «Блудница – глубокая пропасть».

Получилось двусмысленно. Одновременные отношения с Лохтиной и эсеркой именно что под разврат и попадали. Мои «пропасти» возмущенно переглянулись.

– Или вы миритесь и работаете над общим делом, – я срочно решил поменять тему, – или вон из общины.

– Что значит общее дело?

– Партии «небесников» потребна женская фракция. Вон гляньте на Вторую Думу. Одни мужики! А Рассея – она женщина!

На эту сентенцию и Лохтина, и Елена согласно кивнули, вновь посмотрели друг на друга. Уже без гнева, оценивая так.

– Скажу Перцову устроить встречу с репортерами.

Женский вопрос – это бомба. После того, как она взорвется, и Лохтиной, и эсерке будет не до бабских разборок. Успевай отбиваться и агитировать.

– Нас заклеят сумасшедшими суфражистками... – покачала головой Елена.

– Пушай клеймят, – махнул рукой я. – Как сказал один восточный мудрец, сначала они тебя не замечают, потом смеются над тобой, затем борются с тобой. А потом ты побеждаешь. В вашу победу я верю. Вона скока в вас сил!

Эх... Зря я это озвучил.

– Аборты, – тихо произнесла Лохтина.

– Да, надо включить в программу, – согласилась Елена.

Вот так и живем. Ты им палец даешь – они руку откусывают.

– Да вы с ума сошли?! Детоубийство?? – я пригляделся к женщинам. Не беременны ли? Под ложечкой неприятно засосало. – Общество такое не поймет! Давайте начнем с простого.

Честно сказать, я сильно сомневался, что общество поймет и право голоса для женщин. А уж тем более право быть избранной. Но тут всегда можно было сдать позиции – «вы нам вот это, а мы отказываемся от этого».

Вон, даже в продвинутой Англии женщины смогли избраться в парламент только в 1919 году. Знаменитая леди Астор. Та, что сказала Черчиллю, что если бы он был ее мужем, то она сыпанула бы яд ему в кофе. На что тот ответил, что, если бы она была его женой, он этот кофе выпил. Мощная баба.

– Никаких вытравливаний плода! – припечатал я. – Грех это! Токмо то, что в бумаге писано. Идите – учите!

* * *

После разговора с любовницами чувствовал, будто вагон со шпалами разгрузил. Но увы, подвезли новый. Курьер принес газеты. В том числе европейские.

Я открыл «Таймс» и понял: меня заметили. «Игроки» открыли сезон охоты. Может, не Рокфеллеры с Ротшильдами, помельче киты, но кто-то явно заинтересовался и даже потрагился.

На второй странице была статья, посвященная «новому фавориту Романовых». В ней вспомнили всё. И припадочного Митьку, которого ко двору привез Елпидифор Кананыкин –

псаломщик церкви села Гоева. Тот обещал Аликс и Ники наследника, но рождались все время дочки. Припадочного убрали. И Филиппа Низье с его пророчествами, ни одно из которых тоже не сбылось. Репортер шел от одного блаженного к другому, описывая историю мошенников при царской семье. Венчала статью моя фигура – дутый старец, конокрад из-под Тобольска (пришлось объяснять английским читателям, где это), начал карьеру с обработки экзальтированных барышень, которых водил в баню. Тут очень кстати прихлала история миллионерши Башмаковой, которую «лечил» Гришка и которая, собственно, первая открыла Распутина миру.

Нет, ну какие суки! Я скомкал газету, чуть не выкинул ее. Потом все-таки справился с собой, расправил обратно. Раритет ведь. Три недели к нам ехала из Туманного Альбиона.

Прикинул. Заметили меня в ноябре, испугались в декабре – после скандальной отставки Ник Ника. Когда не сработало с денщиками и дуэлью, уже в январе недоброжелатели здорово порылись в «моем» прошлом, отгрузили информацию иностранцам. И те не тянули. Тут же все оформили в статью.

Помнится, так поступил Андропов, когда решил утопить потенциального преемника Брежнева – главу Ленинграда, Григория Романова. Слил придуманную историю с битьем на свадьбе дочери Романова сервиза Екатерины Великой из Эрмитажа. И это сработало – Григорий потом двадцать лет пытался отмыться от этого дерьма.

Первый выстрел в необъявленной войне сделан. Кому-то при дворе мое усиление резко не понравилось. Вопрос: кому?

Я задумался. Феофану и Сергию? Вполне возможно. Весь январь и февраль я их здорово игнорил – на все приглашения отговаривался то богомолем, то болезнью. С Феофаном мы увиделись последний раз на открытии детской колонии имени Ушакова. Тогда архимандрит, улучив минутку, высказал мне свое «фи», но дальше этого не пошло – священник видел, как благосклонно внимала мне Аликс, сколько элиты пришло на открытие. Так просто и не наскочишь.

Нет, православный клир вряд ли бы так тонко сработал с иностранцами. Не их метод. Когда узнают про мои контакты с московскими старообрядцами – вот тогда жди удара. А сейчас нет, не они.

Это кто-то из дворцовых. Фредерикс? Придворный министр последнее время смотрел на меня волком, здоровался холодно, морщил нос. Убрав Герарди, – а это стало известно в широких кругах через великого князя, – я здорово напугал придворную братию. Особенно тех, что у кормушки.

Эх, жалко, Филиппов так и не согласился занять пост главы дворцовой полиции. Был бы почти свой человек рядом с Аликс и Ники. Надо кого-то еще двинуть. Иначе сожрут. Как есть сожрут.

Зазвенел телефон. Меня срочно вызывали во дворец.

* * *

«Таймс» в Царском Селе тоже прочитали. Какая-то сволочь даже снабдила статью переводом, но Ники и Аликс и так свободно читали по-английски. Англофилы...

– Что из этого, Григорий, правда? – царь аккуратно положил газету на обеденный стол, придавил салфетницей.

Сесть меня не пригласили. Аликс, нахмурившись, аккуратно разрешила рыбу на тарелке, на меня не смотрела. Бесшумно скользили слуги, царская чета была одна.

– Ничего... – Я спокойно скрестил руки на груди и произнес: – Готов поклясться на Евангелии, что я *нынешний* никакую казанскую миллионщицу в баню не водил. Зовите священника.

Это произвело впечатление. Святая клятва на Библии – вещь нынче вполне серьезная. Аликс с Ники переглянулись, царь вздохнул:

– Что же ты стоишь? Присядь с нами.

Слуги моментально накрыли мне рядом с царицей, я остался стоять.

– Что же ты, Григорий? – удивилась Аликс.

– Ежели мне веры нет и вокруг один обман да поклеп, удалюсь я в монастырь. Буду молить Бога за вас и ваших деток.

Я повернулся к дверям.

– Постой, Григорий! – Аликс вскочила, взяла меня за руку. Ее вытянутое лицо пошло красными пятнами, глаза умоляюще на меня смотрели. – Прости, отче, что усомнились. Вокруг и правда столько лжи. Не уходи!

Напоминание про детей – сработало. Все-таки нынешние Романовы – хорошие, заботливые родители. Этого не отнять.

– Как же твой приют? И вот партия? – Николай тоже встал, подошел ко мне.

– Все пойдет прахом без меня... – покивал я. – Опять сироток на улицу выкинут...

Это тоже подействовало. Царская чета бросилась с жаром убеждать меня.

– Я твой заступник, Григорий, прости, больше не усомнимся.

– Ники, мы чуть не предали нашего друга! – Аликс сняла с пальца перстень с крупным бриллиантом, силой вложила мне в руку.

Это она зря! Через час уже пожалеет – царица была по-немецки скупа, однажды при мне чуть ли не с пристрастием допрашивала повара про траты на кухне, стоимость завтраков.

Ладно, дареному коню в зубы не смотрят.

Я дал себя уговорить, сел за стол.

Мы долго обедали разными постными блюдами. Вроде и ешь, а не наедаешься. Говорили обо всем сразу. Николай заинтересовался делами Гатчинского воздухоплавательного отряда, обещал купить за свой счет моторы для самолетов. Аликс расспрашивала про успехи в колонии Ушакова – к моему удивлению, она запомнила там некоторых воспитанников. Патронаж для нее не был пустым звуком.

Царская чета убедила меня остаться во дворце, мы вместе сходили на вечернюю службу, и я даже поиграл с детьми – старшими дочками и Алексеем. Семья все еще увлекалась настольными играми, в «Мироеда» мы сначала с девочками разорили папашу, потом скупили заложженные предприятия мамы. Устроили тотальный разгром.

И все это под завывание метели за окном. Весна сдала позиции зиме, опять повалил снег.

Слуги разожгли камин, затрещали сгорающие полешки. Лепота!

Глава 2

Утром я банально проспал. Надо было бы встать пораньше и смотаться из дворца, но лег я поздно, а перед сном еще почитал «Мать» Горького. Роман только вышел и уже успел наделать много шума. Критики разругали его в пух и прах – неудачная попытка написать новое Евангелие, плоские персонажи... Да и сам Горький потом будет признавать, что «Мать» написана так себе – «в состоянии запальчивости и раздражения» от событий первой русской революции.

Из нынешнего времени сюжет романа, конечно, воспринимается совсем по-другому. Все эти стачки, листовки, первомайские шествия... Читаешь и видишь, насколько Россия – кипящий котел с наглухо закрытой крышкой.

Иллюстрацию этой самой «крышки» я получил сразу после завтрака. Разодетый Николай зачем-то потащил меня на встречу с Головиным. Председатель Думы явился в Царское Село с целой делегацией депутатов. И это стало его роковой ошибкой. Полагаю, приехал бы спикер в одиночку – все бы кончилось взаимным прощупыванием и аккуратным обозначением позиций. Чего хочет двор и Николай, какие настроения в Думе. Ну и завистливым разглядыванием огромного бриллианта на моем мизинце.

Но пара депутатов от эсеров сразу вlepили помазаннику про Конституцию. И тихий, вежливый Николай взбеленился:

– Я рад видеть представителей всех партий, съехавшихся для изъявления верноподданнических чувств. Но ваше увлечение бессмысленными мечтаниями... – царь повысил голос, лица депутатов посмурнели. – Пусть все ведают, что я, посвящая свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия столь же твердо и неуклонно, как и мой незабвенный родитель.

Тут уже расстроился я. Упорство и упрямство Николая в вопросах незыблемости самодержавия буквально приговаривало его к страшной участи.

Головин пытался сгладить ситуацию, долго и велеречиво говорил ни о чем, но встреча была испорчена.

Я тихо свалил по-английски, не прощаясь. Пора было взяться за объезд выборгских подписантов – теперь я был на девяносто девять процентов уверен в том, что мне удастся добиться амнистии основных фигур. К бабке не ходи – двор войдет в конфликт с новой Думой (уже вошел) – Николаю нужно будет кинуть народу кость.

* * *

О том, что опала Распутина не состоялась и он еще больше укрепил свои позиции при дворе, очень быстро стало известно в обществе. Это я понял по увеличивающемуся потоку приглашений на салоны, журфиксы... Питерская аристократия плевать хотела на Великий пост, в моде нынче декадентство и атеизм – гуляли и веселились. И разумеется, все хотели познакомиться лично с новым фаворитом. Составить, так сказать, собственное мнение.

Честно сказать, устраивать шоу для именитых бездельников времени не было, но тут я увидел в пачке письмо от княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой. И выпал в осадок. Это же мама убийцы Распутина – Феликса Юсупова. Княгиня приглашала меня на прием по случаю приезда из-за границы (тоже мне событие!) и интересовалась, не надо ли прислать за мной экипаж.

Я порылся в пачке. Нет, ну чем черт не шутит – вдруг еще есть письма от кого-то из убийц. Например, от депутата Пуришкевича или поручика Сухотина... Вот бы был номер. Но нет, моя паранойя дала сбой. Ничего такого не было.

И что теперь делать? Я повертел приглашение в руках. Понюхал. Надушенное такое. Нет, надо сходить. Посмотреть на своего несостоявшегося убийцу. Он еще, конечно, подросток и на приеме его вовсе может и не быть... Нет, решено. Иду к Юсуповым.

Сам раут проходил субботним вечером во дворце князей на Мойке. У парадного входа была пробка из карет, автомобилей... Толпился простой народ – просто поглазеть на выход аристократов.

– Смотри в оба, – накручивал я Дрюню. – Тут что угодно может приключиться. Ежели я через час-другой не выйду, начнется какая-нибудь дурная суета – беги за нашими.

– Все понял, отче... – покивал парень. – Буду смотреть в оба, шага не отойду от дворца.

На входе я показал приглашение от княгини, дворецкий меня с поклонами проводил в «ожидательную». Это был зал, сплошь увешанный картинами.

Старые голландцы соседствовали с пейзажами Ротари, Сурикова. У Юсуповой явно был неплохой вкус.

Большие двери открылись, в зал вошла сама княгиня в сопровождении разодетой свиты. Бриллианты слепили глаза, запах разнообразных духов валил с ног.

Зинаида Николаевна оказалась хоть и состарившейся, но все еще очень красивой женщиной. Тонкие губы, лучистые глаза – я глядел и не мог наглядеться на нее.

А вот Юсупова моего взгляда явно испугалась. С хрустом сжала веер, побледнела:

– Очень рада вашему визиту, Григорий Ефимович, позвольте представить вам...

– Пустое, – махнул я рукой, – все одно не запомню.

Свита глядела на меня во все буркала, пора было начинать шоу.

– Это что за похабель?! – ткнул я пальцем в картину, на которой голую женщину ласкал сизый лебедь.

– Это Леда и лебедь... – глаза княгини расширились. – Копия Рубенса кисти Клевера. Я привезла ее из Европы и...

– Гляди, какой срам по стенкам развесила, – не дал я договорить Юсуповой, – от беса это у тебя, от беса!

– Что вы себе позволяете?! – ко мне шагнул статный мужчина в военной форме, с аксельбантами. – Вы...

– Заткнись! – рыкнул я на защитника. Тот покраснел как рак, стал хватать воздух губами. – Смотри у меня, княгинюшка! Я эту твою бесовщину прикрою. Разом!

Я перекрестил Леду в районе женского лона. Лебедь косил на меня правым глазом.

– Если вам претят такие картины... – Юсупова растерялась. – Я велю убрать ее на чердак.

– Убери, и поскорее. Иначе быть проклятой. – Я повернулся к свите. – И вам всем быть проклятыми, что смотрели на блудодейку и подхихикивали.

Аристократия впала в ступор. Еще никогда с ними так никто не говорил.

– Григорий Ефимович, изволь пройти в музыкальный зал, – Юсупова решила сгладить ситуацию. – Там и угощения уже рядом накрыты.

– Ну пошли, коли зовешь. – Я подхватил княгиню под руку, потянул за собой. – Молишься ли? Пост блюдешь?

Тут главное не сбавлять темпа и не давать свите прийти в себя. Иначе кликнут слуг и выкинут меня из дворца.

Юсупова что-то лепетала, мы быстро шли по коридорам и анфиладам.

В зале было накрыто несколько круглых столов. Аристократия сидела вокруг, дула чай из сервизных чашек. Я глазом выхватил знакомое лицо. Анечка! Танеева. А рядом очень похожий на нее мужчина. Отец?

– И ты тут? – я оставил Юсупову, сел за стол к Танеевым. – Чаёк лакаете? Ну пейте, пейте. Чаек – травка святая, полезительная.

Я сам налил себе из фарфорового чайника с вензелем.

В зале царило полное молчание. Даже музыканты перестали наигрывать Шуберта.

– Нехорошо живете, нехорошо... – я кивнул на восточные сладости, что были разложены по тарелкам. – Чай пост ныне, а вы оскормляетесь. Нешто так жить можно?

– А как можно? – проскрипел Танеев – пожилой, седовласый мужчина лет шестидесяти.

– Токмо по любви! – поднял я палец, повернулся к Юсуповой – А где твой муженек да сынок?

– Муж сейчас в Москве. – Княгиня присела за соседней стул. – Сын, Феликс, в гимназии Гуревича. Скоро будет дома.

– Феликс? Что за имя не русское... – я вылил чай в блюдце, стал прихлебывая пить. – Познакомь меня с ним. Авось перекрестим на что-то доброе. Как тебе имя Федот?

Вокруг нас образовался уже целый круг аристократов, жадно внимающих моему шоу.

– Или Федот, да не тот? – засмеялся я, подмигивая покрасневшей Танеевой. – А ты что, Анечка? Нашла ли мужа?

– Я попрошу вас! – Танеев вскочил на ноги, обратился к Юсуповой:

– Зинаида Николаевна это переходит все границы! Мы уходим.

– Да подожди ты уходить! – я тоже встал, силой усадил Танеева обратно на стул. – Только началось веселье-то... Матушка, княгиня, где у тебя тут нужник? Надо бы справиться дела.

– Это там, – пролепетала Юсупова, указывая рукой в сторону выхода.

Бухая сапогами, я направился к выходу, но как только оказался в коридоре, направился не в туалет, а обратно в портретный зал. Заглянув внутрь и не обнаружив там слуг, я чиркнул быстро спичкой, подпалил то место на картине, которое крестил. Тут же задул разгорающийся огонь. Получилось большое темное пятно. Прости меня, Клевер. Прости меня, Леда. Картину жалко, но Россию еще жальче.

Поправляя рубашку, вернулся обратно в зал.

– Ну и сортиры у вас тут... Поди крестьянин лошадь может купить себе за такую фаянсовую вазу.

Юсупова страдальчески вздохнула, дамы закатили глаза. Ко мне опять направился насупленный военный. Сейчас будут выкидывать.

Спасла меня Танеева. Она первая подошла, попросила благословения. Я перекрестил ее, взял под локоток как княгиню:

– Что же, Анечка, сватают тебя?

– Да, отче, – Танеева оглянулась на отца. – Но никто не люб мне.

– Бывает, – покивал я.

– Что же мне делать? Вы обещали помочь.

И правда, что же ей делать?

– Вижу так, что ты Иисусова невеста.

Танееву нужно было сплавлять подальше от трона. Это сейчас она девочка-припевочка. Но как выйдет замуж, наберет силу, жизненного опыта...

– Не хочу в монастырь! – надула губки девушка.

Я увидел, как к Юсуповой протиснулся с тревожным лицом дворецкий, что-то начал шептать ей. Ясно, обнаружили картину. Пора было закругляться.

– А когда бабу на Руси спрашивали? – громко и грубо ответил я Танеевой.

Та покраснела, ко мне опять направился военный.

– Как обгорела? – ахнула Юсупова на весь зал.

– Что случилось?

– Кто обгорел?

Народ пооткрывал рты.

– Картина... Ну та, Леда с лебедем. Загорелась! – Юсупова в страхе смотрела на меня.

– Вот она Божья кара! – я поднял палец. – Господь поборол беса в этом доме. Боже! Помилуй нас, грешных.

Я перекрестился, многие повторили за мной.

* * *

«Эффект Юсуповой» надо было закрепить. И сделать это на какой-то дружественной территории. Чтобы без риска выкидывания вон. И я отправился на прием к Федору Федоровичу Палицыну. Тем более начальник Генерального штаба не поленился лично телефонировать и позвать.

– Вот, Григорий Ефимович, – стоило мне появиться, как Палицын подвел ко мне знакомиться еле идущую старуху в пышном старомодном платье, – это генеральша Обручева. Плохо ей, совсем помирает.

– Помолись за меня, отче! – Обручева вцепилась в руку – Духом поизносились, грехи мои тяжкие спать не дают. Осени благодатью своей! Вся столица о твоей святости знает.

Знает так, что на днях пришло письмо от Павлова. Ага, того самого – с собачками. Просит посмотреть Ивана Качалкина. Человека-легенду. Товарищ впал в летаргический сон при Александре III, и растолкать его не удавалось на протяжении двадцати двух лет! Проснулся уже при большевиках – в совершенно новой стране. Павлов бился с ним, бился, даже целую теорию нервных процессов торможения изобрел. Но все без толку. Судя по письму, уже отчаялся его разбудить с помощью научных методов.

Под скептическим взглядом Палицына я перекрестил Обручеву, помолился над ней.

Гости пялились с интересом, будто в цирк пришли. Хоть расставляй стулья в партере и продавай билеты.

Пришлось сначала молиться над одним страждущим, потом подвели другого. Только спустя час удалось вырваться и поговорить с генералом.

– Слышал, вы были в Гатчинском воздухоплавательном отряде? – начал разговор Палицын. – Как впечатления?

– Влюбился в аеропланы. – Я пригубил коньяк, что мне собственноручно налил генерал. – Хорош! Шустовский?

– Его только и пью. Что же в ваших видениях было нового, отче?

– Война будет. Страшная, безумная.

Я тяжело вздохнул. Палицын взбледнул, махнул рюмку.

– Как скоро?

– Семь годков у тебя есть, Федор Федорович. А потом немец на нас поперет. Австрияк тако ж...

– Вы... уверены?

– Видения мои от Бога, а немцы давно Святую Русь погубить желают.

– Что же нам делать? – генерал растерялся. – Нет, мы, конечно, имеем военные планы насчет Германии и Австро-Венгрии... В этом году к нашему союзу с Францией должна присоединиться Англия. Переговоры уже идут.

– Не поможет, – покачал головой я. – Союзнички, мать их за ногу, слабы против немца. Отгородятся окопами и будут сидеть на жопе ровно, ждать, пока тевтоны нас сожрут. Еще и порадуются, что Россией откупились. Сердечное согласие... – я фыркнул.

– Ну Австрия враг давний, но зачем же Германии развязывать войну? – Палицын потер лицо руками. – У нас же хорошие отношения. Не понимаю.

– Тесно им, землицы мало. Прут из бочки, словно квашеное тесто. А куда переть-то? В Европе все поделено. В колонии тако ж не шибко их пускают.

Мы помолчали, разглядывая разгорающийся в камине огонь.

– Не доспи, не догуляй, а к войне армию приготовь, – я наконец нарушил молчание. – Иначе миллионы сгинут. Я же чем могу, пособлю.

– Надо его императорскому величеству срочно сообщить... – Я увидел, что Палицын мне поверил, сразу как будто постарел на несколько лет.

– То я сам устрою. Не сразу – царю нынче не до этих дел. Да и не поверит он поперву. У них с Вильгельмом нынче сердечная приязнь – в десна целуются. Пусть так и будет дальше, нельзя кайзера насторожить.

– Разумно. А в видениях ваших не было того, как избежать?

– Думки у меня смутные покуда. Ведения-то прямо толпой идут, каждую ночь мучаюсь. Начни вот с чего... – я почесал в затылке.

Что Палицын может сделать прямо сейчас? Он ведь кавалерист в душе. Много занимается конницей, которая, дай бог, на венгерских равнинах может пригодиться. Эх, тачанка-ростовчанка... В Польше же, к бабке не ходи, придется вести окопную, позиционную войну. А значит, надо начинать с разведки и связи. Особенно с последнего.

– Но первым делом надо за германцем в оба смотреть.

– На то военные агенты есть.

– Ох, не смехи, Федор Федорович! Сколько их, один в Австрии, другой в Германии? А где у немцев склады? А сколько паровозов? А какие войска и где против нас встанут? Вопросов-то невпроворот, а в Главном штабе, небось, и трех человек не наберется, чтобы разведкой занимались.

Судя по задумчивому кивку Палицына, я угадал точно.

– Или вот, у нас куда не ткнешь, в немца попадешь. Полками командуют, в министерствах сидят...

– Они присягу давали! – решительно возразил генерал.

– Они-то да, да ты вокруг посмотри, сколь немцев не давали – купцы, адвокаты да прочие! Что, думаешь, у них друзей среди офицеров нет? И на попойке в ресторане никто-никто слова лишнего не скажет? Вот пропади моя душа, если среди этих немцев нет таких, кто ихнему фатерлянду не только рублем помогает.

– Тут вы, пожалуй, в точку, Григорий Ефимович. Давно назрела необходимость создать контрразведывательное отделение.

– Да уж как назвать, дело десятое. Главное, чтобы там люди хваткие были, не чистоплюи из гвардии. Жандармов бери отставных. Да из того же Особого отделения!

– Они политическим сыском занимаются.

– А в чем разница? Что сицилисты, что лазутчики действуют тайно, как его бишь, консперция у них!

– Конспирация. Да, пожалуй, вы правы... Цели разные, а методы одинаковые... Все равно школа для подготовки таких офицеров нужна будет.

– Да не только школа, отдельное управление для разведки и контрразведки.

– В прошлом году военный министр ассигновал на реформу денег, а в нынешнем году средств не было, – нахмурился Палицын.

– Министра мы уберем, – отмахнулся я. – Будет другой, деловой.

– И кто же?

– Пока не знаю. Да и не важно это. Своей властью можешь разведкой заниматься каждый день. И связью. Полевой телеграф, телефон, радио. Тут надо у немцев или французов завод покупать и давать в войска день и ночь аппараты. Учить пользоваться. Этим я займусь.

– А справитесь, отче? Аэропланы и телефоны – техника новая, сложная...

– Да, с ученьем у меня слабовато, это верно, не на сибирском же мужике лапотном такому делу держаться. Потому нужны соратники образованные, и во множестве. Бог даст, обрастем.

* * *

Вернувшись домой, я не выдержал. Накидал упрощенную структуру ГРУ:

- 1-е управление (Западная и Восточная Европа);
- 2-е управление (Дальний Восток);
- 3-е управление (оперативная разведка – штабы округов);
- 4-е управление (техническая разведка и шифрование);
- 5-е управление – контрразведка.

Архив с картотекой, школа разведчиков, отдел военных атташе (посольские, под прикрытием). Последние уже неплохо работают – недавно завербовали не кого-нибудь, а самого полковника генерального штаба австро-венгерской армии Альфреда Ределя. Через него пойдет большой поток важной, стратегической информации. А главное, Редель придумал кучу интересных решений в контрразведывательной деятельности.

Так, по его указанию комнату для приемов посетителей оборудовали фонографом, что позволяло записывать на граммофонной пластинке, находящейся в соседней комнате, каждое слово приглашенного для беседы человека.

Помимо этого, в комнате установили две скрытые фотокамеры, с помощью которых посетителя тайно фотографировали. Иногда во время беседы с посетителем вдруг звонил телефон. Но это был ложный звонок – дело в том, что дежурный офицер сам «вызывал» себя к телефону, нажимая ногой расположенную под столом кнопку электрического звонка. «Говоря» по телефону, офицер жестом указывал гостю на портсигар, лежащий на столе, приглашая взять сигарету. Крышка портсигара обрабатывалась специальным составом, с помощью которого отпечатки пальцев курильщика сохранялись и отправлялись в картотеку контрразведки.

Если же гость не курил, офицер по телефону «вызывал» себя из комнаты, забирая с собой со стола портфель. Под ним находилась папка с грифом «Секретно, не подлежит оглашению». И редко кто из посетителей мог отказать себе в удовольствии заглянуть в папку с подобной надписью. Излишне говорить, что папка также была соответствующим образом обработана для сохранения отпечатков пальцев. Если же и эта хитрость не удавалась, то применялся другой прием, и так до тех пор, пока не достигался успех. Все эти способы вербовки, проверки лояльности и так далее можно и нужно использовать и у нас.

И нужны еще кроны. Особенно в разведке и контрразведке Германии. И есть время их заполучить. А также наработать верные и обученные кадры. Это самое важное в противостоянии рыцарей плаща и кинжала.

Заклеил конверт, убрал в сейф. Отдам при случае Палицыну. Он глава Генштаба – ему и карты в руки.

Раз уж начал писать – накидал перспективный план развития армии. Приоритет наземным войскам, никаких проливов нам на хрен не нужно в этой приближающейся мировой войне – если удастся завалить Германию, добить потом Турцию труда не составит. А вот если с немцами справиться не получится...

В кабинете появилась Лохтина с подносом.

– Чаек, отче...

– О! Самое то... – Я обжигаясь хлебнул чая. – Все выучили, что велел?

– Да. На послезавтра Птицын снял зал. – Лохтина поправила воротничок блузки. –

Страшно!

– А ты не бойсь, я тебя сейчас успокою. – Я подхватил женщину, повернул ее к себе спиной, наклонил к столу. Задрал юбку.

– Отче! Гриша... ох...

Лохтина сама подалась ко мне, уперлась руками в столешницу.

Звенели чашки и стаканы, упали карандаши и перьевые ручки на пол, а я все успокаивал и успокаивал Ольгу. Да и сам снимал стресс.

Наконец Лохтина, поправив одежду и поцеловав меня в ухо, ушла, а я смог перевести дух и вернуться к армейским делам. Пушки, снаряды, ружья, патроны, колючая проволока. Пулеметы и пехотные мины. То есть большой мобилизационный запас. Шесть-семь новых заводов, склады. Работа в две смены. Вполне реально за семь лет накопить нужный объем боеприпасов и вооружений. Что еще? Бронепоезда. Но этим можно заняться и позже, чтобы секрет раньше времени не утек немцам. А вот оборонная промышленность – нет, не ждет.

Значит, надо ехать в Европу.

Сначала к немцам. Потом во Францию. Захватить Англию, посмотреть на знаменитый «Дредноут», который спустили со стапелей в прошлом году. Собственно, с него и началась гонка вооружений в Европе.

Если не выгорит с Францией и Германией, придется тащиться за океан. У янки вполне можно купить пороховые и патронные заводы. Эти продадут что угодно и кому угодно, лишь бы были деньги.

Я взял бумажку, прикинул свои финансы. Двух миллионов мне даже близко не хватит. Да и освободятся они только летом. Значит, нужны еще деньги. Много денег.

Откуда их взять? Касса ЦК эсеров. Это раз. Патенты на настольные игры и отчисления от иоаннитов. Это два. Спекуляции на бирже. Тут были некоторые прорывные идеи. Это три.

Нет, даже если вытряхнуть деньги из эсеров и биржи – капиталов не хватало. Ведь еще была авиационная тема. Завод моторов минимум в тысяч пятьсот встанет. Как там говорил Наполеон? Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.

Глава 3

Вы никогда не готовили съезд? Ну или семинар хотя бы человек на сто в загородном отеле? С иностранцами? Потому как у нас различия между делегатами – как между русским и японцем, например. Вот взять профессора Вернадского и какого-нибудь неграмотного полуюродивого мужичка из иоаннитов – небо и земля, а оба делегаты. А еще староверы, толстовцы, промышленники, колонисты, не считая лезущих, как тараканы из щелей, репортеров и любопытных.

Ну, с ними я разобрался методами двадцать первого века, отрядил Перцова и дал ему команду создать свой пресс-центр с фуршетом и машинистками. Никакой журналист ведь не откажется выпить на халяву и потому непременно придет в лапы Перцова. А там пресс-релизы утром и вечером, барышни симпатичные за печатающими машинками, телефон для связи с редакцией, стол с напитками и закусками и даже временный телеграфный аппарат – ну кто после такого полезет в зал, слушать, как собачатся делегаты или бубнит с трибуны косноязычный оратор?

– Необычное вы предлагаете. – Перцов ходил с круглыми глазами по пресс-центру. – Но так думаю, что наш брат-репортер непременно сюда заглянет и наружу не выйдет, я эту породу отлично знаю! Хорошая приманка, а уж дальше мы им подскажем, что писать. Ловко, ловко, который раз смотрю на вас, Григорий Ефимович, и удивляюсь!

– Ты не удивляйся, ты дело делай, – грубовато прервал я его излияния, хотя было приятно, не скрою.

Припахать пришлось всех, даже боевая группа носилась по городу в поисках гостиниц и зала человек на триста минимум, да еще чтобы простую публику пускали, и так далее. Сняли «свадебный дом», где купеческие свадьбы гуляли и за столом до двухсот гостей помещалось. А без столов – как раз наш съезд. Под «тилихентов» выкупили целиком две гостиницы рядом, не люкс-модерн, но приличных. А кто морду будет воротить, так никого не держим, не нравятся бесплатная – город большой, иди, ищи другую. Иоаннитам да колонистам сняли три дома в соседних кварталах, зарядили плотников сколотить нары, Маня Шепелявая нагнала баб-общинниц, организовала кухню с уже привычной нам раздачей.

Ах! Да! Евстолий великое совершил, провел полную паспортизацию общины. У Лауница по моей записке выцыганил бланки паспортов, всех переписал, ну под это дело мы и Елену легализовали. Хотя без косяков не обошлось, были кое за кем неприглядные делишки в прошлом, даже Филиппов приезжал, пришлось с людьми говорить и после того, как мне на кресте поклялись, поручаться за них перед полицией. Буквально на поруки взял.

Съезд открыли в Великую среду, на Чистую неделю. Боцман специально абонировал соседнюю баню и загнал туда всех «общежитийных» делегатов, приглашенный парикмахер всех подстриг-подровнял, бабы одежду начистили-нагладили, и потому все выглядело весьма благопристойно.

Начали с парада, закончили скандалом. Даже тремя.

К украшенному лапником и бело-черно-желтыми розетками из лент подъезду свадебного дома, на ступенях которого стояли наиболее уважаемые делегаты, по улице двигалась необыкновенная процессия.

Впереди ехал новоиспеченный автомобилист в моем лице. Правда, не за рулем, а всего лишь пассажиром – разобраться в управлении здешних машин не хватит, наверное, и месяца, настолько все замысловато. Так что рулил специально нанятый шоффер, а я вместо руля сжимал в руках древко с развевающимся имперским знаменем.

Эх, надо было пошить фуражку и шинель в стиле комиссара из вархаммера, но и так неплохо вышло. Следом за мной, под горн и барабан, шла колонна воспитанников Ушаков-

ской колонии. Методика «молодежь приветствует делегатов съезда» была отработана в позднем СССР до мелочей, и я посчитал, что есть смысл внедрить ее несколько ранее. Вот и дошли ребята до крыльца, четко повернулись (ага, месяц строевых тренировок), и самый голосистый зачитал послание нового поколения. В стихах, само собой (еще месяц мытарств, но тут хоть Елена помогала и вообще образованная публика из ближников).

Получилось на ура – кое у кого из делегатов глаза явно на мокром месте были. В таком размягченном состоянии орггруппа аккуратно пропихнула первичные документы и решения – состав президиума, повестку дня. Приняли либо единогласно, либо с минимумом воздержавшихся.

Программу трудовых колоний встретили вообще овацией, и неудивительно – нам ее разработал руководитель московской колонии Шацких. Я и не знал, что тут с идеями о трудовом воспитании серьезно работали еще до Макаренко, а вот поди же ты... Станислава Теофиловича нам нашел все тот же Булгаков, сидевший ныне в президиуме съезда. Нашел и представил мне лично, и ни разу не прогадал. Ну вот правда – в Москве 1906 года жил и работал человек, который создал настоящий... Дом пионеров! Потому как иначе назвать его «Дневной приют для проходящих детей» и не получится. Кружки-мастерские – слесарные, столярные, швейные. Музыкальное образование (сам Шацких, кстати, классно пел, а жена у него вообще профессиональный музыкант, она-то нам «Смело мы в бой» и прочее оркестровала, или как оно там называется – в общем, теперь наши песни по нотам любой оркестр исполнить может, пора песенник издавать). Педагогика сотрудничества (!). Детское самоуправление (!!). Воспитание коллективизма (!!!).

Неудивительно, что на деятельность Шацких косо смотрела полиция – никак малолетних социалистов растят? Да еще формально Станислав был католиком, что тоже не прибавляло любви властей к нему. Ну вот угораздило человека родиться в семье смоленской шляхты... А нам он зашел как патрон в обойму – идеи совпадают, есть возможность для экспериментов, которой он был лишен ранее, а что католик, так у нас в партию все христианские исповедания берут.

Образования он был хоть и неполного, но разнообразного, успел поучиться и на мехмате МГУ, и на медицинском факультете, и даже в Сельхозакадемии. Мы с ним три или четыре раза поговорили по нескольку часов, и я теперь точно уверен, что для московского приюта лучшего человека и не сыскать. А пойдет дело хорошо – пусть ведет тему во всероссийском масштабе. И создает нам комсомол вместе с пионерией и октябрятами. «Молодая Россия», чем не название? Или уж «Ангельская», для пушного эпатажа?

Только Феофан, прибывший на съезд во второй половине дня, сидел смурнее тучи. И все чернорясные, что вокруг него вились, тоже мрачнели и мрачнели. Я в перерыве послал было капитана хоть немного разговорить, но тщетно.

– Будто язва у него разыгралась, на все смотрит косо, что ни скажешь – все не так, – доложил после перерыва Стольников.

– Да какая сейчас язва, пост же?

– Ты, отче, уж извини, человек простой, но я навидался этих постников. Коли рыбное можно, так икру бадьями на стол иереям несут, стерлядь аршинную, да мало ли чего еще.

– А коли и рыбное нельзя?

– На то монастырские повара-искусники есть. Такое из разрешенных продуктов сготовят, ум отъесть можно. Ну а коли скоромного захочется, иереи себе такой грех отпускают. Постники, прости господи...

И это вполне православный и глубоко верующий человек мне сказал. Прогнил здешний идеологический отдел, насквозь прогнал. Но ситуации с Феофаном это не отменяло, чем дальше, тем больше он высказывался в духе капитана Смоллетта из мультика «Остров сокро-

вищ» – мне не нравится этот съезд! Мне не нравятся эти делегаты! Мне вообще ничего не нравится!

Надувался он, надувался, насколько это возможно при его субтильном телосложении, да и лопнул, ухватил меня за рукав и, брызгая слюной, шипел, что я специально зазвал на съезд раскольников и католиков и вообще берега попутал. А когда я попытался возразить, что все партийные документы ему заблаговременно были присланы для ознакомления и что там прописаны «все христианские конфессии», Феофан вообще вышел из себя и свалил. Хорошо хоть проклятиями не осыпал, но все равно впечатление на свидетелей это произвело гнетущее.

– Язва у него, – развел я руками. – Оттого отец Феофан столь раздражен. Помолимся за здоровье, братья.

Следом за мной нерешительно перекрестились и все остальные, а я продолжал класть крестные знамена, и понемногу тяжелое настроение отступило. И как оказалось, вовремя Феофан свинтил, страшно даже подумать, что он выкинул бы, останься дольше.

Ведь следующим пунктом у нас было выступление Лохтиной. Елену на трибуну не пустили, решили, что слишком молода и не надо совсем уж дразнить гусей. Даже появление Ольги вызвало в зале сдержанный ропот, а уж когда она выдала согласованный текст... Впору начинать агитационную кампанию под лозунгом «Женщина – тоже человек!», а то некоторые явно с этим не согласны.

И ведь в феврале все прошло на «ура». Ну почти. Выступление перед журналистами, отличная пресса, в том числе западная, восторженные отзывы у передовой публики. Непередовая, конечно, заклемила, но тут Столыпин выступил в Думе со своей знаменитой речью «Не запугаете», и общество переключилось на травлю «реакционеров» из правительства. Реакционеры ответили, началась еще большая свара. Она и помогла нам выйти из-под удара, а заодно собрать большой отклик по всей России. Откуда только ни приходили письма и телеграммы. Почтальоны мешками носили. Благодаря этому мы резко нарастили численность партии, и вот поди ты... Опять огребаем.

Напрямую мне никто вечером и поутру после начала съезда не пенял, но многие опять высказывались в том смысле, куда, мол, бабы лезут? Их дело у плиты стоять и детей нянчить, а уж мужики сами все доправят.

Пришлось срочно использовать метод Ходжи Насреддина – пусть знающие расскажут незнающим. Интеллигентная часть съезда «женский вопрос» полагала несколько несвоевременным, но восприняла в целом вполне спокойно – благо в марте первые в мире женщины-парламентарии внезапно были избраны в сейм Великого княжества Финляндского. Вот я их вечерком и собрал, и толкнул речь на тему, что половина населения в России – женщины, их тоже надо освобождать и приближать к Богу. Тем более что все мы, как христиане, Богоматерь почитаем. С моими доводами образованная часть делегатов, хоть и не без колебаний, согласилась и поутру принялась агитировать необразованную. А я себе галочку поставил – по скольким вопросам такие команды пропагандистов надо иметь заранее. И вообще, такой вопрос надо было сперва обсудить кулуарно, подготовить и только потом...

Если это потом будет. Потому как агитация вызвала отторжение и бурные споры, и как бы не раскол. Я с ближайшими соратниками метался от группы к группе и пытался пригасить скандал, но все было безуспешно до тех пор, пока к нам не заявились гости.

Целая толпа мужиков в картузах, черных полупальто, с хоругвями вломились в зал. Охрану буквально продавили телами, но тут вскочили иоанниты, встали стеной.

Возглавлял пришедших грузный лысый мужик с седой бородой.

– Кто тут Гришка Распутин?? – закричал он, размахивая руками. – Покажите старца!

– Дайте нам Распутного! – подхватила толпа. – Проверим, какой он святой.

– Это сам Пуришкевич, – шепнул мне на ухо Вернадский. – Глава черносотенцев. А вон и Грингмут.

– Из Москвы специально приперся, – скрипнул зубами Булгаков. – Вот неймется ему! Ага, ясно, кто почтил нас своим визитом. На этот случай у нас была небольшая заготовка. Я дал знак, Адир протиснулся к черносотенцам, щелкнул в лицо им вспышкой магния. – Гони прочь извергов! – закричал я, нажимая на иоаннитов. Они все поняли правильно, навалились на ослепленных пришлых, легко выдавили из зала. Боцман на прощание отвесил пенделя Пуришкевичу, тот повалился в грязную лужу.

Черносотенцы повытаскивали из карманов свинчатки, но тут на крыльцо вышел Евстолий, в форме, при шашке. Грозно шевеля усами, пробасил:

– Балуете?!

Черносотенцы подували. Одно дело наскакивать на лапотных иоаннитов, другое дело бузить при приставе.

– Пшли вон, – я вышел на крыльцо.

Поискал глазами Пуришкевича, да тот, видно, скрылся. Ткнул тогда пальцем в оторопевшего Грингмута:

– А тебя, пес смердящий, проклиная до третьего колена. Умрешь скоро, готовься к встрече с Создателем.

Впечатлило. Черносотенцы поорали что-то вразнобой, но понемногу разбрелись. Насчет Грингмута я не шутил. До конца года он не доживет – помрет уже в октябре или ноябре. Вот будет номер, когда вспомнят о моем проклятии.

К шапочному разбору выскочили репортеры – Перцов их с утренних разборок утащил от греха подальше в пресс-центр «на завтрак». Ну они и назавтракались, тамошнюю закуску грешно есть помимо водки, а посты среди журналистской братии соблюдает разве что один редактор «Церковных ведомостей», да и то я в этом не уверен.

Перцову, кстати, надо будет благодарность с материальным подкреплением выдать, поскольку отработал на отлично – ни Феофановых фокусов, ни драчки по женскому вопросу, ни мордобоя с черносотенцами репортеры так и не увидели. А что делегаты болтают, к делу не подошьешь, цену «осведомленным источникам» читающая публика знает, да и мы свою версию продадим куда сильнее.

На волне единения, вызванного набегом черносотенцев, съезд принял программу, утвердил принципы строения партии, наметил участие в выборах, коли таковые состоятся. Я-то знал, что состоятся, но нельзя же в официальных документах писать «после разгона Второй Думы»... Проголосовали за программу, с оговорками. Один толстовец сказал очень толковую речь, примирившую и без того воодушевленных победой делегатов. А всего-то предложил женский вопрос не включать покамест, а принять к сведению и дальнейшему обсуждению. Эх, учиться мне и учиться всем этим бюрократическим хитростям, так вот и пожалеешь, что родился поздно и в комсомольском активе не состоял, не набрался нужного опыта.

Новомодных центральных комитетов решили не избирать, ограничились посконным советом «Небесной России». Председателем стал Булгаков, заместителем – Стольников. Компанию им составили Вернадский, один из московских Бахрушиных, от толстовцев Горбунов-Посадов, теперь уже бывший иоаннит Филимон Гостев, Станислав Шацких, Лохтина и Семен Ершов, дядька-воспитатель. Я входить в Совет наотрез отказался, оставив за собой роль «духовного вождя», но при таком составе мои люди там по определению в большинстве. Да и впредь постараемся обходиться без разделяющих вопросов. Как там товарищ Сталин действовал? Правильно, откладывал, если видел, что будет спор. И потихоньку обрабатывал имеющих голос.

Все закончилось в Великую субботу. Съезд принял поздравительные телеграммы в адрес царской семьи, Думы, Синода и правительства – пусть порадуются. Дружно спели «Боже, царя храни», после чего православное большинство делегатов во главе со мной отправилось на пасхальное богослужение и крестный ход.

Утром разговелись заботливо подготовленными Маней Шепелявой куличами, яйцами и пасхой, перецеловались и разъехались, в поездах отоспятся. А мне вот пора в Царское Село. Ну, у меня теперь свое авто, вот в нем и подремлю.

* * *

Карета. Карета с «карасиновым двигателем» – вот примерно такие ощущения были у меня после первых поездок на «Рено АГ». Выбрал я его потому, что вспомнил – это та самая модель, на которой парижские таксисты в 1914 году перебрасывали войска на Марну. А раз такси, значит, крепкая и ремонтпригодная машина. Движок, конечно, слабенький, девять лошадок всего, да где сейчас сильненький-то взять? Нет еще таких.

Ради долгой поездки – целых тридцать верст! – шоффэр поставил на автомобиль кожаный верх салона и навесной козырек над собственным рабочим местом. Ну точно карета, двери высоченные, лаковый кузов, кучер отдельно, верх прямо от кареты взят. И трясет не меньше, несмотря на рессоры. Зато кожаные подушки сидений, и никто не пырится на меня, как в поезде.

Тарахтели мы часа два – по дороге пробило колесо, и водитель, страшно ругаясь на французском, его менял. Почему на французском? Так француз же, по-русски не сильно много знал, но с такой техникой сто пудов научится великому и могучему.

А я подумал, что надо бы себе более мобильное средство передвижения завести. Исполнить свою давнюю мечту, купить байк. Пока в университете учился, ни о каком мотоцикле и речи быть не могло, слишком дорогая игрушка для нашей небогатой семьи. А сейчас почему бы и нет? Старец Распутин в кожаном плаще верхом на эндуре. Хотя какая эндура, мотоциклы здесь идут по рязряду экзотики и даже на себя не похожи, а больше на велосипеды с моторчиком. Но хоть так, глядишь, до Царского меньше чем за час добираться буду.

Приперся я, как выяснилось, некстати – Пасха это у простых людей великий праздник, а у царской семьи это весьма обременительные обязанности, которые они неуклонно исполняли. Ну сами посудите – нужно поздравить и облобызать всех, кто в этот день находился рядом, а это значит, не только ближайшие царедворцы, но и слуги, и весь состав императорского конвоя! Вот ей-богу, лучше бы он государственными делами так старательно занимался, как религиозные обычаи соблюдает.

До царя я так и не добрался, к нему стояла очередь из казаков в алых черкесках, караульной роты Кирасирского полка, вроде бы курсантов, только я не разобрался, каких. Александра Федоровна тоже была при деле, хоть и не целовалась, но руку для поцелуя подавала и каждому презентовала фарфоровое яичко с монограммой.

Дядька Алексея, проскочивший одним из первых, после христосования со мной рассказал принятое во дворце обыкновение.

– Почитай, каждый день человек по двести-триста.

– Как каждый день? Положено ведь в Светлое воскресенье!

– Так-то оно так, да ты попробуй столько народу приветить, это ж сколько времени уйдет? Вот и разделяют, дня четыре-пять продолжается. Даже старообрядцы специально приезжают!

Надо же, а вот этого я не знал. А дядька, важно покивав, подтвердил и объяснил, что это пошло еще с Александра III, а Николай только продолжил традицию.

Так что с царем и царицей я только издалека встретился, глазами. Поздравил девочек, преподнес приятно пахнущие резные яйца из сандала – нашелся в колониях дядька-резчик, сделал мне по заказу два десятка. Простенько, но теплое дерево с приятным ароматом запомнится лучше.

Перецеловался со всеми слугами и уже совсем было собрался улизнуть, как меня подхватили и представили пред светлы очи – обязательные процедуры закончились, и царская семья собралась за столом в личных покоях.

Измотанные, раздраженные. У царя покраснелась щека от целований, Аликс расцарапали руку бородами. Последние делегации она принимала в перчатках.

Тем не менее царская чета взяла в себя в руки, Николай слегка злоупотребил портвейном. Праздничное настроение было восстановлено.

Удостоился я и персонального пасхального подарка. Нет, не яйца от Фаберже, такого при известной скупости Аликс ожидать никак невозможно. Красивый наперсный крест из ливанского кедра, освящен в Иерусалиме. Принял со всем почтением, правильно угадали, золотосеребро мне ни к чему, из образа выпадают. Хотя могли бы копейку на колонии пожертвовать, надо, кстати, эту идею продвинуть на следующий год – кто желает сделать мне подарок, пусть жертвует на благотворительность. Лучше всего на нашу, найдем, куда денежки пристроить.

Не обошлось и без женского вопроса. Вот ведь шустрые какие, уже доложили. Пришлось излагать свою позицию, императрица слушала внимательно, да и старшая, Ольга, тоже время от времени пыталась понять, о чем говорят взрослые.

Как это женщины могут голосовать? А как выбрать за кого? Муж скажет? Так пусть сразу за всех членов семьи голосует. Посмеялся внутри.

Наутро, в Светлый понедельник, поехал делать визиты. Муть беспросветная, но вот без этого никуда, если хочу в столице закрепиться. Праздник-то религиозный, обязан соответствовать, прямо в шкуре императора себя почувствовал – везде наливали, обнимали, принимали поздравления, конвейер да и только.

Перебил все это Столыпин. Стоило мне заявиться к нему, даже рта открыть не дал, взревел нечленораздельное и за рукав потащил в кабинет.

– Петя! – только и ахнула Ольга Борисовна, но Столыпин отмахнулся на ходу.

– Вот полюбуйся! – сунул мне под нос пачку бумаг премьер-министр.

– Христос Воскресе, Петр Аркадьевич!

– Воистину, – буркнул Столыпин, но отгородился столом, так что обошлись без поцелуев.

– Что опять стряслось? – спросил я, перебирая бумаги и вчитываясь в полицейские рапорты.

– Забастовки на прядильнях Выборгской стороны! Женские! Все вашими молитвами! Небесники... тьфу.

– Забастовка по моей молитве? Да вы меня прямо в чудотворцы определяете, Петр Аркадьевич, – попытался я шуткой разрядить обстановку, но успеха не имел.

Пришлось читать бумаги. Забастовали Сампсониевская мануфактура, прядильни Гергарди, Торшилова и еще несколько помельче. Главным требованием была равная оплата за равный труд, ну и прочее, из нашей программы – декретные отпуска, сады-ясли, ничего особенного, если не считать того, что забастовка почти исключительно женская.

– И при чем тут я?

– «Небесная Россия» чья? Взбаламутили фабричных совершенно неуместным суффражизмом!

– Ну да, а два года назад кто забастовщиков взбаламутил? Или в Москве тоже я виноват с небесниками? – перешел я в наступление. – Вы народ в стальную узду взяли, вот он и бьется, и биться будет, пока не ослабнет хватка!

Да кому я рассказываю! Столыпин – сам помещик. Выжимает каждую копейку из крестьян.

Глава 4

Со Столыпиным надо мириться, он мне явно нужен. Но как? Оказанная услуга – не услуга. Дочка премьера пошла на поправку, аппарат «Распутина» уже сняли, девушка пытается ходить. С костылями, но тем не менее. Никаких новых болячек у нее не наблюдалось.

Семья была не очень религиозная – моя «мистика» на них не действовала.

Через царя зайти? Этот вариант я отложил на потом, а сначала телефоновал одному пронырливому репортеру по фамилии Гурьев. Из газеты «Новое Время».

Он уже давно меня «окучивал» – пытался сделать репортаж об общине, шнырял там и здесь. Заодно во время одной из встреч намекал, что со мной хотят познакомиться значительные люди. На прямой вопрос «кто?» проблеял: «Граф Витте».

Опальный премьер в конце прошлого года вернулся в Россию и сразу начал интриговать против Столыпина. Не помогло. Все признавали, что позиции Петра Аркадьевича прочны, в разгаре была аграрная реформа и уж на такой (!) бурной переправе коней точно не меняют.

Витте пошел на опасный спектакль, чтобы напомнить о себе. В конце января столицу облетела новость: экс-премьер чуть не погиб от взрыва в своем собственном доме на Каменноостровском проспекте. Газетчики по горячим следам наперебой передавали подробности, причем весьма натуралистично. Героем, спасшим премьера, стал истопник по фамилии Антонов. В печной трубе квартиры графа он обнаружил веревку, к которой был привязан сверток с бомбой.

Обезвредить адскую машинку Антонову помог – сюрприз-сюрприз! – Александр Гурьев, который был не только газетчиком, но еще и секретарем Витте в период его премьерства. Уже одно это насторожило публику.

Прибыли стражи порядка, сверток с большими предосторожностями вынесли на двор и вскрыли. Там обнаружили деревянный циферблат, какие бывают у дешевых кухонных часов, и массу, похожую на манную кашу или на крупный песок, – впоследствии выяснилось, что это нитроглицерин. Градус страха поднялся еще выше, когда в соседней печи обнаружили точно такой же «подарок». Оказалось, что бомбы могли сработать как от удара молоточка, прикрепленного к часовому механизму, так и от топки печи – опасность была нешуточная.

Полиция стала выяснять, каким же путем адские машинки попали в дом. Постоянно дежуривший на парадной лестнице швейцар божился, что мимо него никто не смог бы незаметно пронести столь объемные предметы. Если же злоумышленник рискнул пробраться в особняк с черного хода, то ему пришлось бы пройти через множество обитаемых комнат, так что и этот путь был маловероятен. Получалось, что террористы по ледяным крышам, словно акробаты перебрались с соседнего дома и опустили адские машины в трубы.

Следствие установило, что взрывчатку заложили революционно настроенные рабочие якобы по указанию Александра Казанцева, который, по предварительной версии следствия, был агентом охранного отделения (второй сюрприз!) и одновременно членом «Союза русского народа».

Правда, расследование вскоре застопорилось, поскольку Казанцев внезапно был убит одним из исполнителей, Василием Федоровым, нашедшим прибежище во Франции.

Витте начал активно намекать, что заказчиком покушения были вовсе не революционеры, а Столыпин.

Правительственные газеты мигом ответили карикатурами, на которых граф, сидя на коньке печной трубы, собственноручно спускал на веревке бомбу к себе в квартиру.

– Я готов к встрече, – это единственное, что я произнес, когда мне доложили о прибытии Гурьева.

Тот поклонился и мигом испарился из кабинета. А уже через час за мной прибыл наемный экипаж. Полчаса по пыльным улицам, и вот я на месте.

Привезли меня в какой-то пустой загородный ресторан. Пока ехали, я заметил, что пролетку пасут – далеко позади ехал закрытый экипаж. Ясно. За Витте и его помощниками, скорее всего, следит охранка. Но мне это даже на руку.

В отдельном кабинете, за накрытым столом сидел сам экс-премьер. Постаревший, обрюзгший. Витте явно нужно было скинуть десяток килограммов.

Мы поздоровались, я уселся за стол, положил очки на скатерть. Сергей Юльевич пожегся от моего взгляда, собственноручно разлил коньяк по рюмкам.

– Я бы хотел, чтобы факт этой встречи остался между нами, – предупредил граф.

– В газетах не сообщат, – неопределенно ответил я.

Тихо постучавшись, вошел официант. Поставил горячее. Это были жульены. Витте тут же начал свое дело:

– Григорий Ефимыч, я давно наблюдаю за вами. И могу сказать вот что. Между нами много общих точек. Я точно так же, как и вы, начал с низов – инженером-путейцем. Поднялся в горные выси, но не удержался, рухнул вниз. Меня задвинули на чердак, словно старую мебель. А ведь я столько сделал для России!

– И что же ты хочешь? – я демонстративно зевнул.

– Уверю вас! Царь очень скоро разочаруется в Столыпине. И вспомнит обо мне!

– Хочешь ускорить дело?

– Никаких бы денег не пожалел!

Витте достал кошелек, вытащил из него десять сотенных купюр. Подвинул пачку ко мне. Дешево покупает. Я рассмеялся, кинул деньги на пол.

– Полмиллиона.

– Что?!

– Пятьсот тысяч! И ни рублем меньше.

– Милостивый государь! – Витте вскипел. – Это огромная сумма...

– Кою ты быстро отобьешь, когда станешь обратно премьером.

Граф внимательно на меня посмотрел, мигом остыл. Да... ушлый товарищ. Настоящий финансист.

– Но у меня нет таких денег! – попытался поторговаться Витте.

– Ой, не ври, граф! Про тебя такое рассказывают... Проценты за французские и немецкие кредиты, коими ты отяготил бюджет, тебе чемоданами носили в кабинет!

– Как вы смеете, сударь!

– Еще как смею! – я встал, направил палец на экс-премьера. – Я вашу породу насквозь вижу! Будешь торговаться – цена станет миллион. Уразумел?!

Граф подувал. Не привык, что ему тыкают и в лицо кошмарят. Как тут себя вести?..

– Шла война! Стране нужны были финансы...

– Но и себя ты не обидел, правда? Вот и поделись!

Витте задумался, побарабанил пальцами по столу. Потом собственноручно поднял купюры.

– Но у меня нет с собой такой суммы наличными!

– Нешто мы совсем дремучие? Чек пиши. В банку.

– А гарантии? Какие гарантии? – граф сдался, достал чековую книжку.

– Сей же час поеду к царю. Буду молить за тебя. Ежели не работает, пойду к царице. Она меня слушает, нашепчет ночью Никсе, что нужно.

– Ладно, держите, – Витте с большим сожалением расстался с чеком. – Я очень жду!

* * *

Графа я почти не обманул. Тут же поехал в Царское Село. Увы, Николая на месте не было – он плавал в шхерах на своей яхте «Штандарт». Я метнулся к Аликс. Та была занята детьми, но вошла в мое положение, дала приказ дворцовому коменданту. Тот позвонил в Петергоф, где стоял паровой катер.

Красоты дворца посмотреть не удалось – меня с поклонами сразу провели на пирс. К счастью, капитан знал, где плавает царь, и сразу туда направился на всех парах. Я стоял на носу, вдыхал свежий морской воздух. Темнело. Солнце закатывалось в море.

Балтика спокойна, волн почти не было. Не штиль, но около того.

– Ого, миноносец пригнали. «Пернов», кажется... – Капитан приложил к глазам бинокль. – Да, он. Знакомец мой там служит. Поди кого-то привезли к царю-то...

Корабли обменялись сигналами ратьера, мы подплыли к «Штандарту». Нам кинули конец, корабли сошлись борт в борт. Я перешел на яхту, велел капитану ждать меня и никуда не уплывать.

На палубе появился личный камер-лакей Николая латыш Трупп. Он невозмутимо проводил меня в капитанский салон яхты.

К моему удивлению, я там застал Столыпина. Он о чем-то жарко спорил с Николаем. Точнее выговаривал.

– ...упала крыша. Прямо на места левых. Те взвыли, подстроено, мол!

Ни премьер, ни царь меня не заметили в дверях, склонились над ворохом газет.

Я понял, о чем идет речь. О скандале в Думе.

Как водится в России, деньги, выделенные на ремонт Таврического дворца – разворовали. И в здании рухнула часть крыши. И прямо на места левых фракций. Те, разумеется, посчитали, что все подстроено и правительство хочет избавиться от неугодных оппозиционеров таким диковинным способом.

– Кто-то пострадал?

– Нет, все случилось в перерыве...

– Слава богу! – Николай широко перекрестился.

– Нет, не слава богу! – Столыпин ткнул пальцем в газеты. – Во время исполнения гимна левые отказались вставать. Это беспрецедентный демарш! Ваше величество! Дума должна быть распущена.

О как! Дело-то идет к концу.

Николай увидел меня, обрадованно подошел:

– Григорий, сам Бог послал мне тебя. Надо помолиться вместе.

Столыпин нахмурился, отбросил газету.

– Зачем вы здесь, отче? Помолиться можно и потом.

– Вот зачем! – Я кинул на стол чек. – Имел беседу с Витте. Похотел график подкупить меня, дабы я интриговал против тебя, Петр Аркадьевич.

Премьер увидел сумму в чеке, ахнул. Следом охнул Николай. Его тоже впечатлил размер взятки.

– Невообразимо!

– Очень даже вообразимо. – Столыпин тихо выругался. – Ваше величество! Витте надо удалить из пределов империи. Я не могу работать в таких условиях! Граф встречается с великими князьями, вашей матушкой... Вот добрался до Распутина.

– Нет, нет, – помазанник испугался. – За графа просил кузен!

Я понял, что тут не обошлось без кайзера. «Немка гадит». Премьер начал давить на Николая, тот отнекивался. Разговор пошел на повышенных тонах.

– Послом его... – мне в голову пришло простое решение. – Подалее отсюда. К узкоглазым. В Китай!

Николай и Столыпин посмотрели на меня, как на спасителя!

– Очень дельная мысль, Григорий. Так и поступим.

Резким движением я выхватил чек у Столыпина:

– А это пойдет деткам-сиротам. На трудовые колонии.

Премьер хотел что-то сказать, но царь уже согласно кивал.

* * *

На следующий день я первым делом отправился в банк и обналичил чек. Дрюня с боевиками сопровождал меня на Невский – там открылось первое отделение Центрального Русского банка. Сокращенно ЦРБ или попросту «Центральный». Встречать меня выбежал сам управляющий – пожилой немец с бакенбардами. Фон Брюлофф. Все прошло быстро, счет уже был открыт, чековая книжка – такая же именная, как у Витте – меня уже ждала.

Вернувшись домой, я сел и прикинул смету на строительство и покупку заводов. Химический – тротил, бездымный порох. Двигатели! Будет завод двигателей – будут и автомобили, и самолеты. Фабрика по производству телефонных и телеграфных аппаратов. Обязательно завод оптического стекла и биноклей. Помнится, Игнатьев цейсовские через Швейцарию покупал потом, в обмен на российский оптический шпат. И это все в условиях «срочно, давай, за любые деньги!».

Сумма выходила заоблачная. Даже с учетом графских денег, поляковских, я был в глубоком минусе. Прикинул за сколько можно продать на сторону патенты на настолки... Да привилегии аппарата по вытяжению костей тоже можно было за дорого пристроить в европейские клиники. Но дефицит все равно не исчезал. Нужны были срочно еще деньги. Где же их взять?

* * *

Как и в моей истории, третьего июня Дума была распущена. Слухи об этом ходили с середины мая, а первого июня было опубликовано официальное сообщение – полиция выследила боевиков, которые запросто ходили в квартиру депутата Озоля, в которой, в дополнение ко всему, происходили фракционные заседания членов социал-демократической партии. И не заморачиваясь всякой там депутатской неприкосновенностью, охранка провела обыск. При этом нашлись такие интересные документы, что правительство потребовало взять под стражу пятнадцать депутатов от РСДРП. И объявило, что пятьдесят пять депутатов, «образовавших социал-демократическую фракцию Думы, составили преступное сообщество для насильственного ниспровержения посредством народного восстания установленного основным законом образа правления и для учреждения демократической республики».

Общественное мнение даже не сомневалось, распустят или нет Думу, спорили разве что о сроках. Манифест от третьего июля был встречен без удивления, никаких волнений не наблюдалось, «порядок поддерживался обычным нарядом полиции». Поскольку в манифесте помимо роспуска одной думы были назначены и выборы следующей, я немедленно дал отмашку Перцову и всей партии в целом – начинаем избирательную кампанию! Голосуйте за «Небесную Россию!» Старец Григорий нам путь озарил!

Вот так вот буднично закончилась первая русская революция. Впрочем, так говорили мои преподаватели в университете, а вот у товарищей большевиков было на этот счет совсем другое мнение. И о нем я узнал вечером тринадцатого июня, когда заехал в градоначальство к Лауницу. Нужно было прирезать территории к зданию детской колонии.

Владимир Федорович, несмотря на то, что быстро принял меня и подписал все бумаги, был встревожен, озабочен и все время отвлекался. А когда я напрямую задал вопрос, в чем причина его беспокойства, дал мне почитать телеграмму из Тифлиса:

Сегодня в 11 утра Тифлисе на Эриванской площади транспорт казначейства в триста пятьдесят тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов, убито два городских, смертельно ранены три казака, ранены два казака, один стрелок, из публики ранены шестнадцать, похищенные деньги за исключением мешка с девятью тысячами изъятых из обращения, пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные аресты приняты.

Елы-палы, а ведь это же то самое ограбление, которое приписывали Сталину! Я как почитал «Тифлис» и «казначейство», так сразу в памяти всплыли интересные подробности этой истории, чуть было перед Лауницем не похвастался знаниями.

Спланировали революционеры все на отлично – расстановка двадцати участников, связь, сигналы оповещения, – сумели выдернуть двести пятьдесят тысяч из почтовой кареты, везшей деньги в банк. Ну грохнули пяток охранников, ну угробили заодно пару дюжин из непричастной публики, зато какие бомбы хорошие были, как здорово они взрывались! И колоссально облажались после нападения – видимо, сами не верили, что дело выгорит. Для начала банкноты пришлось прятать в матрасе, матрас тащить в Тифлисскую обсерваторию, где когда-то работал Коба, там постелить на диван директора и... оставить без надзора на время, пока утихнет поднятая эксом буча. Ну и потом влипнуть с обменом крупных купюр с известными номерами – разом в нескольких странах Европы. И как водится, в деле было несколько провокаторов и агентов охраны, даже Сталина подозревали.

Так что в Тифлис мы подорвались срочно, но честь по чести, инспектировать толстовские колонии в Грузии. А неофициально – нанести визит товарищу Кобе и товарищу Камо. Деньги эти РСДРП, тем более (б), совсем ни к чему, пусть лучше статейки пишут, чем бомбы делают. А я найду, как бабками распорядиться.

Ехали раздельно: я в первом классе, Аронов с Распоповым в третьем, а Дрюня, он же Андрей Петрович Воздвиженский, – во втором. Зря, что ли, я у Лауница паспортные бланки вытребовал? Илья с Николаем тоже числились под другими фамилиями – Панаев и Скабичевский. У нас в Сибири (надо же, до чего меня здешняя жизнь довела – уже «у нас») полно потомков ссыльных поляков, никого такая фамилия не удивит.

Унылые северные болота за окном переходили в нарядные перелески Центральной России, а затем в поля Воронежа и донские степи. Менялись и попутчики, в Москве разочарованно сошла строившая мне глазки пышная дама, так и не дождавшись никакого ответа на свои потуги. Нет, шесть пудов веса это как-то слишком. На ее место подсел офицер и тут же умотал в соседний вагон, где ехали его сослуживцы, но в Козлове они все, до синевы выбритые и слегка пьяные, покинули поезд.

А города и веси за стеклом были неуловимо похожи на Россию XXI века – с поправкой на технологии, разумеется. Вот так приезжаешь в незнакомую деревню или частный сектор, и сразу видно, кто есть кто – вот тут местный олигарх живет, забор три метра, дом из кирпича, обвешан спутниковыми тарелками, во дворе «крузак» или «эскалада». Вот крепкий хозяин, «каблук» или «газелька», дом без лишних антенн, но ухоженный, все по уму. Вот заброшенный, покосившийся, а вот тут люди выживают – и рады бы подправить и сделать как следует, да не на что. И что-то мне Россия образца 1907 года сильно последний вариант напоминает. Во всяком случае, доля таких домов-выживальщиков заметно больше. Смотрел я на поселки и городки – вроде все на месте, даже, бывает, пристанционная площадь замощена и дома вокруг приличные. Но прямо напротив – неперенный кабак с двумя-тремя пьяными, независимо от

времени суток. Городовой важно усы крутит, извозчик с флегматичной кобылой ждет седоков, бомонд вышел поезд встретить – мужчины в шляпах, дамы с зонтиками. А буквально сразу за площадью вот они, домики, по третий венец в землю ушли. Редко в три, обычно в два окошка, и не всегда стекла на месте – где бумагой заклеено, а где и куделью заткнуто. И какая уж там мостовая, хорошо если травой заросло, а не разбитые переулки со столбами пыли.

И на каждой крупной станции – в Рязани, Ростове, Екатеринодаре, Владикавказе – непременно арестантские команды под конвоем. Либо работали, либо их в «столыпины» грузили. И по виду все больше пролетарии. А чего с ними церемониться, это интеллигенцию в ссылки мякиши из хлеба лепить, а этих сразу куда подальше, революция закончена, реакция торжествует, все строго по учебнику советских времен.

– Нашли! – радостно приветствовал меня Дрюня в буфете Порт-Петровского на получасовой остановке.

Тут до такой роскоши, как вагон-ресторан, пока не додумались, вернее, додумались, но широко не ввели, гоняли их на международных линиях, да и то не всех. Оттого пассажиры имели шанс поесть только на станциях, для чего там и были буфеты для первого и второго классов. Третьему классу и этого не полагалось, железная дорога разве что обеспечивала кипятком, а дальше крутитесь, как хотите.

Но земляки выглядели издалека, когда мы перемигнулись на перроне, вполне довольными и сытыми, деньги есть, а значит, всегда можно прикупить снеди у вечных вневременных бабулек с пирожками, судками и местными, так сказать, специалитетами.

– Что нашли? – я оторвался от форели.

– Так обсерваторию! Вот, телеграмма догнала.

Вспомнив, что действие было привязано к обсерватории, я почему-то решил, что речь идет об астрономической – ну там, телескопы, рефлекторы-рефракторы, звездное небо и все такое. Слава богу, что решил перед выездом проверить – астрономической обсерватории, согласно доступным словарям и справочникам, в Тифлисе не было. Напрямую спрашивать было стремно, отправленные в Университет и на Бестужевские курсы Дрюня и Елена не преуспели. Ученые мужи морщили лбы, пытаюсь вспомнить, что там есть после череды переименований, время поджимало, и пришлось ехать наудачу, не дожидаясь ответа. Но вот теперь нас нагнала телеграмма – есть там обсерватория! Только давно уже магнитная. Ну и за погодой следили, метеостанция, в общем. В телеграмме указан и адрес, Михайловский проспект, против военного училища и стрелковых казарм.

Кроме телеграммы, Дрюня притащил и пачку свежих газет, читать я их начал с конца, там поживее.

Революция, может, и закончилась, но как-то странно – в Красноярске перестрелка. Известные дали несколько залпов по тюрьме и гауптвахте. Стража ответила. Кто, зачем – незнамо, писаки предполагают «месть революционеров»... Правительство усиливает надзор за провозом из-за границы оружия, в Польше пограничная полоса увеличена с двадцати до пятидесяти верст... За пять месяцев текущего года выручено от продажи казенных питей около трехсот миллионов рублей, больше, чем за такой же период прошлого года, на тринадцать миллионов. Это сколько же за год? Миллионов семьсот пятьдесят, при бюджете в два с половиной миллиарда? Однако...

Я полистал газеты дальше – волнения в Португалии. Ну да, баррикады и перестрелки с войсками это волнения, зачем публику страшными словами пугать... А, вот и про новую Думу – рабочие организации обсуждают вопрос, идти на выборы или нет. «Есть сторонники участия в выборах, но немало и бойкотистов». Что логично, рабочим и крестьянским куриям оставили всего четверть мест, а две трети закрепили за высшими классами. Надо бы мне эту самую верхушку потряхнуть как следует, чтоб в «небесники» подались.

А! Вот и милейший Сергей Юльевич. «В Пекин для представления императору Цзяйтяну отбыл недавно назначенный послом граф Витте». Шустро, ничего не скажешь. И напечатали где-то внизу второй страницы, хотя, быть может, я пропустил обсуждение новости о назначении.

Первые же страницы были почти целиком посвящены амнистии подписантам «Выборгского воззвания», что трактовалось как «знак примирения, который правительство желает подать обществу». Ага, правительство. Подало бы оно знак, когда бы не один старец. Но вышло хорошо, теперь есть известные люди, которые мне благодарны, из которых может получиться неплохая фракция.

Баку, куда мы приехали через несколько часов, пах нефтью и деньгами. К вокзалу поезд шел параллельно с несколькими ветками труб – так себе, потоньше тех, в серебристой обертке, к которым я привык в своем времени, да и опоры были деревянные.

Здесь, в Черном Городе и окрестностях, черпали и качали половину всей мировой нефти, строили нефтеперерабатывающие заводы и электростанции, тянули нефтепроводы... «Если нефть королева, то Баку – ее трон» – Черчилль сказал, а это вам не хухры-мухры.

Четырехчасовая пересадка на поезд до Тифлиса дала нам время пройтись и посмотреть город. Европейский на один-два квартала от вокзала, азиатский дальше и пролетарский на окраинах. В «Париже Кавказа» можно было встретить французского банкира и английского инженера, немецкого коммерсанта и шведского юриста. Здесь стояли дома нуворишей-нефтяников, соревнуясь между собой блеском и роскошью. А чуть дальше, буквально в паре кварталов – почти Педжент, белые глухие стены, резкие тени от солнца. Почти все окна выходят во внутренние дворы, в окованных железом воротах – узенькие калиточки. Женщины в чадрах, крики местных коробейников «Аршин мал алан!», армянские лавочки, духаны с одуряющими запахами еды и бесцеремонными зазывалами.

И почти сразу за азиатской идиллией начинался Черный Город. Скайлайн прямо как в Нью-Йорке – невысокие деревянные вышки, полностью зашитые тесом, стояли от края до края горизонта. Здесь была вотчина Нобелей и Ротшильдов, между которыми, как шакалы, сновали мелкие небогатые нефтепромышленники, изредка выкидывая наверх фигуры вроде нефтяного короля Манташева.

Десятки цилиндрических резервуаров, как шлемы растущего из-под земли воинства великанов, заводы и заводики – керосин, масло, бензин, котлы, цистерны...

Рабочие-азербайджанцы, которых здесь именовали «бакинскими татарами», русские, грузины, армяне, инженеры и техники со всего света – Вавилон, самый настоящий Вавилон. Промышленный центр, и как следствие здесь очень сильны революционные настроения. Даже электростанцию тут строил инженер Красин, руководитель Боевой технической группы ЦК РСДРП и нарком впоследствии.

Город контрастов, ага. Интересное место, вот как бы сюда в нефтедобычу влезть, чтобы не придушили? Иностранцев потеснить, пусть прибыль в России остается. Или мечты несбыточные?

Глава 5

За Аджикабулом недолгая двухпутка снова сменилась одинокой колеей, и раз за разом поезд стоял на станциях и разъездах, пропуская встречные составы. Или проезжал без остановок, когда пропускали нас. Пару раз я внутренне посмеялся, увидев названия станций – Кюрдямирь и Долларь. Даже когда мы покинули Бакинскую губернию, до самого Тифлиса тянулись тюркские названия – Силоглы, Согут-Булак, Беюк-Кясик, Кара-Тапа.

Прямо на вокзале в Тифлисе я понял, что мы попали, причем крупно – полное ощущение, что город на военном положении. На платформах патрули, у каждого носильщика по городскому, жандармы досматривают вещи. У первого класса со всем вежеством, у второго порыкивая, а у третьего чуть ли не рассыпая весь скарб по земле.

И все бы хорошо, но у нас с собой было. Совсем немножко, всего десятка полтора. Тех самых бомб из эсеровского тайника, которые я потащил с собой в надежде подкинуть экспроприаторам. И что хуже всего, раскидал по чемоданам всей группы. Значит, сейчас нас повинтят и сразу сообразят, что мы вместе – бомбы-то одинаковые, и пофиг, что в разных классах ехали... Мозг метался в панике, соображая, как подать сигнал землякам и Дрюне, а из вагона уже выходили последние пассажиры. Оставить саквояж в купе и потом не получать багаж? Нет, квитанция выписана на меня, сразу поймут. Да и кондуктор непременно догонит – ваше степенство саквояжик изволило забыть... И как молнией ударило в голову, что такой же шухер был и на ближайших к городу станциях, да я названия рассматривал и внимания не обратил, идиотина...

Я шагнул на перрон, сжимая в руках саквояж и понимая, что никакого варианта кроме как «Подкинули!» у меня нет, а боевиков придется выручать потом, если сумею остаться в силе. Сделал шаг, другой, каждую секунду ожидая окрика. Передо мной услужливо распахнули двери зала ожидания первого класса, я кивнул, и с виска предательски сорвалась капля пота. Да я весь взмок, спокойнее, спокойнее... Я прошествовал к буфету и спросил стакан лимонада. Сердце колотилось, норовя загнать в мозг всю кровь сразу, эдак и до инсульта недалеко. Встал у стойки, поставил саквояж с бомбами на пол и оглядел зал.

Он был разделен на две части – в одной шерстили отъезжающих, а во вторую, спокойную, запускали приехавших. Фу-у... Сам себя запугал до обморока. Ну конечно же – они ищут деньги, которые будут вывозить из города, а что в него привезут, их сейчас не интересует.

Постоял, допил лимонад, унял дрожь в коленках и пошел дальше, подняв с полу тяжеленький саквояж. Банда уже беспокойно поглядывала на выходы из вокзала – не случилось ли чего? Распопов улыбнулся и доложил:

– Обсерватория тут рядом, в сторону реки примерно верста. Центр города на той стороне, версты четыре.

– Нужны две гостиницы рядом, попрличнее и попроще, на этой стороне. Свисти извозчиков, они должны знать.

Меня с Дрюней отвезли в гостиницу Вентцеля на Михайловском проспекте, а Распопова с Ароновым высадили чуть ближе, у каравансарая в переулках. Так вот тут назывались гостиницы, еще с турко-персидских времен. И стоило войти в номер, как меня буквально расплющило – накрыл откат от нервяка на вокзале. Нет, какие же все-таки мы дилетанты! Тащить бомбы на себе поездом...

Но забежал веселый Дрюня и потащил знакомиться с местной кухней в ближайший духанчик, где уже сидели земляки.

– Действуем так: сходите к обсерватории, посмотрите, что там да как, по возможности наблюдайте подольше, но так, чтобы вас не заметили.

Покровцы кивнули, Дрюня уточнил:

– Если что, комнатку снять можно?

– Можно. Я пока к толстовцам съезжу, посмотрю, вернусь послезавтра.

Толстый духанщик с помощью шустрого паренька принялся метать на стол тарелки с зеленью, рыбой и прочими дарами Грузии. Из заднего двора одуряюще тянуло шашлыком, компания за дальним столиком то и дело взрывалась тостами. Хозяин только и успевал наполнять кувшины вином из огромного бурдюка.

Там, по указаниям портъе, нас и нашел Эдишер Лионидзе. Его я предупредил телеграммой еще из Питера, и он вызвался быть моим проводником в толстовскую колонию. Натуральный князь, бог знает какого древнего рода, только из младшей обедневшей ветви – служил себе, служил, потом познакомился с толстовством – и все, решил жить земледельческой жизнью.

– Гамарджоба, Григори-батано! Если вы готовы – предлагаю ехать прямо сейчас. Три станции на поезде, да еще верст двадцать в повозке – до ночи успеем.

Я оглядел соратников – все трое кивнули. Езжай, мол, Ефимыч, без тебя справимся.

Дорога от станции все время шла в гору, и повозка еле тащилась, что никак не беспокоило нашего возницу. Село солнце, сразу и резко, как бывает только в горах, наступила ночь. В голову сами собой полезли мысли про знаменитых кавказских разбойников – абреков. Тем более что совсем недавно они лютовали тут в спайке с революционерами.

– Батано, спросите у возницы, – обратился я к Лионидзе, – водятся ли тут абреки?

– Говорит, бывает, особенно по ночам, – перевел мне Эдишер. – Вот прямо на этом месте, говорит, прошлый год отбили и угнали отару. Напали трое, все с револьверами, и угнали.

Что-то в его тоне заставило меня повернуться – князь давился от смеха. Ну да, грех не разыграть неопытного путешественника. Я дружески пихнул его кулаком в плечо, но на всякий случай проверил, на месте ли мой браунинг в рукаве.

Доехали без приключений и тут же легли спать, чтобы зря не жечь керосин в лампах. Колонию я сумел рассмотреть только наутро – она лежала между двумя горами, поросшими буквым лесом, на севере сверкала снегами Кавказский хребет. Десяток домиков посреди плодовых деревьев, коровник, конюшня и другие постройки. У третьего домика нам навстречу поднялся крепенький дедок в старых опорках и шапке-кахури из белого войлока.

– Это Семеныч, – представил дедка Элишер, – он к внукам уезжает, из колонии выходит, так что не работает и проведет вас. А я пахать.

Через пять минут, за которые мы свели знакомство с Семенычем, за нами зашел Лионидзе, уже в стоптанных сапогах и простой рубахе, прихваченной кавказским пояском. На поясе, в простых ножнах висел кинжал. Элишер использовал его только как нож, поскольку оружие толстовцы не признавали. С князем вместе мы дошли до крытой соломой бани, стоявшей прямо на ручье – он протекал сквозь здание и с помощью простой задвижки наполнял котлы и бадьи водой.

– Первым делом построили, чтобы как дома. Вот, и местные во вкус вошли – увидят, что затопили, так и едут.

Сразу за околицей над грядами ближайшего поля с тяпками шли колонисты, все босиком, в расстегнутых рубахах.

– Вот, климат замечательный, – махнул рукой Семеныч, – одной рубахой обойтись можно. И растет все, воткни палку – урожай будет. Давеча огород пололи, так за бурьяном нашли пару десятков картофельных кустов. Вот ведь, никто не сажал, сами выросли.

Слова Семеныча подтверждала высоченная трава на лугу. Ее не косили, ждали установления ровной погоды, чтобы случайные дожди не испортили сено. Еще дальше, на краю выгона пастушков, мальчик-грузин, прутиком сбивал верхушки травы. Так себе лошадки и откровенно тощие коровенки, общим числом десятка два, выглядели по сравнению с роскошной травой совсем непрезентабельно.

– Вот, местная порода такая, – как бы оправдываясь объяснил мой гид.

– А чего же породистых не заведете?

– Денег пока нет. Зато вот, луг у нас рукотворный. Раньше топкий был, не пройдешь, разве что мяты набрать. Ручьи с гор бежали, разливались по лугу и заболачивали. Вот мы первым делом и навели ирригацию.

От склона в сторону реки через луг была прорыта широкая прямая канава, в которой играл мутный поток.

– Вот, осушили, с каждым годом травы все лучше и лучше.

– А культурных трав подсеять?

– Так денег нет.

Так вдоль ручья мы и спустились к бурной речке. С берега было хорошо видно, как в омутах играют спинки крупной рыбы.

– Вот, форель, тут ее пропасть, – пояснил Семеныч. – В Тифлисе до пятидесяти рублей за сотню дают.

– Продаете?

– Не-ет, мы вегетарианцы. Вот, убеждения не позволяют.

И денег на скот и травы нет. Удивление у меня на лице было так заметно, что проводник поспешил объяснить:

– Все будет, мы же только-только достроили дома и сады разбили. Потом все будет, вот у немцев скот получше купим.

Вечером, после работ и обеда, все собрались в садовой беседке под сенью виноградной лозы.

– Надо бы нам вести общинное хозяйство, а то мы вроде бы все вместе, а ведем дело врозь! – выступала интеллигентного вида дама. – Община поднимет нас нравственно, да и материально будет лучше. Не каждый по своим углам, а одна сплоченная христианская семья.

– Одних дров сколько впустую тратим! – поддержал Лионидзе. – Возишь и возишь, возишь и возишь... При общине можно готовить сразу на всех и в одной кухне, дров уйдет вдесятеро меньше! И женщин меньше отвлекать на готовку. При общине на кухне может быть всего одна, много две женщины, а сейчас все бабы на кухнях.

Опять я не сдержал удивления – как это, у них что, каждый сам за себя? И подробно рассказал, как устроена наша община в Питере – старший по дому, старшая над женщинами и так далее, про общинную мастерскую, столовую и все такое прочее. Судя по всему, наш метод произвел на них впечатление. А вообще, надо подумать, как раскрутить экономику колонии – она должна быть образцом для всех в округе. И должна не только себя кормить, но приносить прибыль, а то случись чего – и все разъедутся, и нет колонии. Хреново, что они рыбу не ловят, на одних садках можно ведь такой бизнес замутить!

В Тифлисе меня встретил Дрюня и от вокзала повел в кофейню, куда вскоре подошел Распопов.

– Илья остался, за обсерваторией смотрит, – доложил Николай. – Потолкались мы вокруг, ничего подозрительного. Разве что как ты уехал, вечером два кинто, разносчика местных, при-тащили большой матрас.

Вот оно!

– И куда дели?

– Это Илья знает, он вчера туда на дурачка зашел, про работу спрашивал, дворником. До самого директора дошел.

Мимо кофейни резво пробежали под уклон пятеро городских, следом быстрым шагом прошли несколько чиновного вида людей. Из дома на углу послышались крики и причитания.

– Опять обыск. Все дни так, полиция как наскипидаренная, все тех смутьянов ищут.

– Зря они так егозят. Понятное дело, что на дно залегли.

– А может, нет? Опять же, через три дня открытие нефтепровода, молебн, торжество. Говорят, кто-то из великих князей приехать должен.

Да, тогда понятно. Иметь в городе группу террористов в момент визита великого князя совсем нехорошо.

Закусив, Распопов пошел сменить Аронова, и вскоре тот докладывал внутреннюю обстановку.

– Ученые там, ходят, циферки в бумажках черкают, не от мира сего. Сторож один, да и тот ночью дрыхнет.

– Матрас куда положили?

– Директору занесли, там диван большой, на него постелили.

Порешили так – совсем под вечер засесть в еще одном духане неподалеку, а как закроется, разойтись в разные стороны и встретиться потом в саду обсерватории. А пока отправили Дрюню в аптеку прикупить хлороформа – если сторож действительно спит, то мы ему немножко поможем. А если нет, то придется оглушить.

Самое тонкое место во всем плане – принести эти чертовы бомбы. И чего я их из Питера потащил, без них, что ли, обойтись невозможно? А тут – вечер, в городе шухер, не ровен час, спросит городской – а что у вас, ребята, в рюкзаках? Ну, то есть в саквояжах. И привет. Может, ну его совсем? А потом их куда девать? Нет уж, решили так решили.

На удивление, бомбы мы вынесли и доставили до места без происшествий. На всякий случай, пользуясь сумерками, спрятали их в саду обсерватории, прямо над берегом Куры, изобразив прогуливающуюся компанию, и отправились дальше, в духан.

Лишние пять рублей – и нас со всем почтением, хоть и на ломаном русском, препроводили в отдельную комнатку: «Пагаварыть? Прашу, батоно! Никто не беспокоит!»

Весь в мыслях о предстоящей акции, я попросил накрыть нам ужин на вкус хозяина заведения. Что это ошибка, я понял, когда на стол конвейером посыпались блюда под комментарии духанщика:

– Лобиани! Свежи! Пхали! Вкусни! Бариджани! Остри! Калмахи джонджоли! Час назад паймали! Кушайте, батоно!

А потом еще мцнили, чоги, аджапсандали, чанахи... из всего великолепия я знал только сулугуни и сразу вспомнил, как мой однокурсник-грузин говорил: «У нас все на “и”. Даже Джемси Бонди нули-нули-шмиди».

Два часа за столом превратились в пытку – вкусно умопомрачительно, а наедаться нельзя. Вина сколько хочешь, а тоже нельзя. Аронов и Распопов прямо изнывали, да и я тоже с удовольствием бы выпил кипианевского. Один Дрюня посмеивался над нами и наворачивал как не в себя. Вот куда в него столько помещается?

Во мраке южной, да еще и горной ночи ориентироваться было непросто, хорошо хоть мы заранее вызнали место. Рядом, через улицу спало военное училище, но у двух ворот мерно расхаживали часовые. Оставили часового и мы – Дрюню, чтобы в случае чего подать сигнал свистом, и прошли в сад, за крестообразное здание обсерватории.

– Директорская вон в том доме, я туда, ждите, – Аронов показал вглубь и скрылся в темноте.

На фоне не сильно звездного неба дом смотрелся сплошной черной массой, и лишь в одном из окон слабо-слабо отсвечивала лампадка.

– Спит сторож, – вернулся к нам Илья, – храпит так, что стекла дрожат. Но дверь запер, аспидово отродье.

На наше счастье, эти самые «не от мира сего» оставили открытым окно на втором этаже. Правда мне пришлось несколько минут вглядываться, чтобы понять, куда указывает Николай. Илья разулся, вдвоем мы легко закинули его вверх и остались ждать.

В тишине, нарушаемой лишь пением цикад, щелчок замка прозвучал как выстрел, и я подпрыгнул на месте.

– Заходи, – шепнул Аронов.

Мимо сторожа, накрытого тряпкой с хлороформом, мы проследовали за Ильей в комнаты директора. Диван и впрямь был обширен – видимо, директор или его сотрудники оставались тут, когда нужны были ночные наблюдения. Хорошо хоть сегодня никого не было.

Я ощупал матрас – есть!

– Потрошим, перекладываем в саквояжи, а бомбы из них – в матрас.

– А не рванут? – усомнился Распопов.

– Не бойсь, они без запалов, что я, совсем бешеный, что ли?

Минут десять мы, сосредоточенно сопя, выгребали содержимое – пачки и комки денег, и еще столько же времени пихали внутрь бомбы, стараясь равномерно распределить их по всей поверхности.

Обратно вышли так же – Илья запер дверь, снял тряпку с лица сторожа и вылез через окно. Три саквояжа приятно оттягивали руки.

И только мы сунулись на проулок, ведущий к Михайловскому проспекту, как загремели ворота казармы напротив, и оттуда вышел ночной патруль, человек пять или шесть, при винтовках.

Пришлось метнуться в тень деревьев и там стоять, унимая сердце, пока разводящий со сменой не обошел весь квартал. А ходили они долгонько – там же оказались, как нам потом рассказали, казармы артиллерийской бригады, стрелкового полка и военное училище, целый городок. И пока они ходили, на каждом углу торчало по часовому.

Мы маялись в саду обсерватории и молились, чтобы развод поскорее закончился, потому как еще надо было дойти с деньгами до гостиницы. Ведь поймай нас с деньгами, это было бы куда опаснее, чем с бомбами. Тьфу, зла не хватает, гений организации: простую операцию «пришел – взял – ушел» нормально продумать не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.